

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Лаборатория исторической и политической демографии ИГУ
Исследовательская сеть по изучению миграций и диаспор

***Этномиграционные
и этнодемографические процессы
на Востоке России в конце XIX –
начале XXI веков***

Иркутск

 ОТТИСК

2012

УДК 39
ББК 63.51(2)
Э 91

Издание выполнено в рамках Программы стратегического развития ИГУ (проект P222-МИ-003)

Под редакцией К.В. Григоричева

Этномиграционные и этнодемографические процессы на Востоке России в конце XIX – начале XXI веков / Под ред. К.В. Григоричева. – Иркутск: «Оттиск». 2012. – 116 С.

Сборник статей подготовлен на основе результатов работы научно-образовательного семинара «Этнодемографические процессы: теория и практика изучения», проведенный в октябре 2012 года в рамках Программы стратегического развития ИГУ (проект P222-МИ-003). Публикуемые в сборнике статьи охватывают спектр проблем этномиграционного и этнодемографического развития Сибири и Дальнего Востока России позднеимперского и постсоветского периода, а также постсоветского Казахстана. Авторами рассматривается специфика демографических и адаптационных процессов в ряде переселенческих групп в позднеимперской России, характер миграций в районе государственных границ, особенности миграционных процессов в Сибири, на Дальнем Востоке и в Казахстане на рубеже XX–XXI веков.

Книга предназначена для специалистов в области проблем миграций и диаспор, истории и современного развития Сибири, преподавателям и студентам, широкому кругу читателей.

ISBN ISBN 978-5-905847-28-8

© Коллектив авторов. 2012.

© Лаборатория исторической и политической демографии ИГУ. 2012

Оглавление

Предисловие	4
Нам И.В. Миграции эстонского населения в Сибирь: ссылка, крестьянские переселения, адаптация (XIX – начало XX в.)	6
Гончаров Ю.М. Демографические процессы в еврейской диаспоре Западной Сибири в XIX – начале XX в.	34
Алишина Г.Н. Конфликтность в среде старожилов, «инородцев» и новоселов Азиатской России в конце XIX – начале XX в.: социокультурный аспект	44
Сорокина Т.Н. Институт пограничных комиссаров	54
Тарасов А.П. События в китайском Дамысово 28 сентября 1929 года – трагическая страница гражданского противостояния красных и белых в Забайкалье	68
Алексеев А.Н. Республика Казахстан: этномиграционные процессы в начале XXI века	80
Григоричев К.В. Миграционные процессы в Иркутской области на рубеже XX-XXI вв.	87
Дятлов В.И. Китайские мигранты на Востоке России: роль посредничества в процессах экономической и культурной адаптации	98
Бляхер Л.Е. Восточный поворот России: шансы и риски модернизации в дальневосточном регионе	104

Предисловие

Этномиграционные и этнодемографические процессы в восточной части Российской империи, позже – Советского Союза и постсоветской России, стали одним из важнейших, если не ключевым фактором развития этого обширного пространства. Пожалуй, именно в эти полтора столетия движение различных этнических, конфессиональных и культурных групп привело к быстрому развитию феномена переселенческого общества, сформировавшегося к востоку от Урала. Массовый приток населения, активизация государственной позиции в сфере освоения восточных пространств страны в сочетании с острыми политическими процессами первой четверти XX столетия обусловили качественное повышение степени гетерогенности сибирского общества, усложнение системы отношений между составляющими его группами, соседними народами, властью. Движение миграционных потоков и движение границ (не только государственных и административных, но и культурных, экономических, символических) обусловило дробление диаспоральной карты макрорегиона, появления на ней новых «островов» и «архипелагов» локальных социумов.

Такой характер развития населения Сибири и Дальнего Востока, подкрепленный мощными процессами советского освоения востока страны, обусловили значительную специфику демографических и миграционных процессов. «Отливная» миграционная волна последней четверти XX – начала XXI века, совпавшая с началом массовых трансграничных миграций в Россию, вновь сформировала здесь серьезные отличия от европейской части страны в демографической, миграционной, социальной ситуации. В Сибири и на Дальнем Востоке поток трудовых мигрантов из Центральной и Северо-Восточной Азии входит не в перенаселенную, остро конкурентную среду, но, напротив, в пустующее пространство, где социально-экономическая, культурная и тем более, политическая жизнь все более концентрируется в крупных городах и ареалах их притяжения. Подобное сочетание становится почвой для появления самых различных прогнозов и предположений (от абсолютно мифологических до взвешен-

но реалистичных) относительно возможных вариантов развития восточных территорий России. Основания для построения подобных прогнозов дополняются возможностью проведения некоторых параллелей с этнодемографическими процессами в постсоветских странах и, прежде всего, в Казахстане, где всего за два десятилетия миграционные процессы существенно изменили вектор за счет притока трансграничных мигрантов.

Статьи, публикуемые в предлагаемом читателю сборнике, посвящены отдельным аспектам многогранной проблемы этнодемографического развития Востока России. Безусловно, сборник не может претендовать на сколько-нибудь полный охват обозначенной проблематики. В нем представлены лишь часть исследовательских проблем, находящихся в фокусе внимания участников исследовательской сети по изучению миграционных и диаспоральных процессов (англоязычное название Migration and Diasporas Research Network – MDRN), которая представляет собой межрегиональное и междисциплинарное сообщество ученых, занимающихся в той или иной степени изучением миграционных процессов, диаспоральных и иных мигрантских сообществ с позиций различных наук.¹

Непосредственной основой для публикации данного сборника стал научно-образовательный семинар «Этнодемографические процессы: теория и практика изучения», проведенный в октябре 2012 года в рамках Программы стратегического развития ИГУ (проект P222-МИ-003). Наряду с комплексом статей, результатом названного события стало открытие Лаборатории исторической и политической демографии ИГУ. Одним из первых результатов деятельности Лаборатории и стала подготовка представляемого сборника статей.

К.В. Григоричев

¹ Подробнее о сети можно узнать на ее официальной странице <http://mion.isu.ru/ru/mdrn/index.html>

***Миграции эстонского населения в Сибирь:
ссылка, крестьянские переселения, адаптация
(XIX – начало XX в.)²***

И.В. Нам³

На изменение и усложнение этнического состава Российской империи большое влияние оказывали колонизационные и миграционные процессы, связанные с заселением и освоением окраин. Общеизвестно высказывание В.О. Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется». Миграционные движения сопровождались формированием крупных этнических анклавов или дисперсно расселенных небольших групп, в среде которых происходили сложные процессы ассимиляции, аккультурации или консолидации с русским и аборигенным населением. Колонизация окраин в основном осуществлялась двумя путями: переселением (добровольным и принудительным) и иммиграцией⁴.

Важная роль в формировании как компактных анклавов прошлого иноэтничного населения, так и рассеянных этнических групп в Сибири принадлежала ссылке. Правительство определяло местами ссылки в основном окраинные регионы России, менее развитые в экономическом и политическом отношении. В России было мало мест, «которые бы не открывали широко и гостеприимно двери свои для ссыльных “татей, воров” и разбойников, или “несчастных” в глазах русского народа: и “пони-

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-95101 а/Э).

³ Нам Ираида Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета, Томск.

⁴ Иммиграция – это вселение на территорию другого государства, сопровождающееся, как правило, сменой гражданства. В отличие от иммиграции, переселение – это процесс перемещения населения внутри страны (государства). «Переселение – это географическое изменение той же совокупности в отличие от иммиграции, которая увеличивает одну совокупность за счет другой». Один процесс экзогенный, рожденный внешними условиями, другой – эндогенный – порождение внутренних причин (см.: Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990. С. 16–17).

зовые и украинные города», и Казань, и Астрахань, и Псков, и Великий Новгород, и Луки Великие, и Севск, и Курск, и Уфа, и Оренбург, и Рогервик, и Азов, и Пермь Великая, и Тобольск, и «дальние сибирские города», и Верхотурье, и «Томский город», и Якутск, и Нерчинск, и Давурские острога, и Николаевский Корельский монастырь, и Пелым, и Березов и Ярославль, и многое множество других русских городов и городков не один раз видели у себя и опальных бояр, и знатных вельмож, и «подлых» людей»...»⁵.

Особое значение ссылка, которой царизм придавал не только карательное, но и колонизационное значение, имела для освоения и заселения окраинных районов страны, особенно Сибири. В «службу»⁶, в «посад»⁷, на «пашню»⁸, с XVIII в. – на каторгу и галеру⁹ ссылали участников антифеодальных выступлений,

⁵ *Жижин В.Д.* Ссылка в России (законодательная история русской ссылки) // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 1. С. 38–39.

⁶ Сосланные в службу назначались в месте ссылки на различные должности в зависимости от вины и от прежнего общественного положения. Они приверстывались в дети боярские, дворяне, стрельцы, казаки и другие должности, гражданские и военные. Для высших сословий ссылка в службу иногда была простой перемены места их служения и не сопровождалась потерей прежнего их звания. Но иногда ссылка в службу сопровождалась разжалованием в низшее звание, так, например, украинский гетман Многогрешный был сослан в простые пешие казаки. Подробнее см.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 1. С. 68–69.

⁷ Приговоренные к ссылке в посад приписывались в месте ссылки к тяглым посадским людям.

⁸ Обязанности сосланных на пашню заключались в обработке земли и сборе хлеба, который они сначала обязаны были целиком сдавать правительству. От последнего они получали жалованье, сельскохозяйственные орудия и скот. Впоследствии жалованье было отменено, и ссыльные были обязаны доставлять в казну не всю жатву, а только часть, а именно с полудесятины в год. См.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России (законодательная история русской ссылки) // Журнал Министерства юстиции. 1900. № 2. С. 69.

⁹ Слова «каторга» и «галера» в русских источниках обозначали одно и то же понятие. Под «катаргой» понималось гребное весельное судно, которое в источниках называлось также «галей», «галера». Галера/катарга представляла собой судно, которое, при отсутствии ветра, двигалось посредством весел; для приведения в движение одного весла требовалось от 5 до 6 гребцов; работа эта была очень трудной, поэтому гребцами на галеры назначали обычно преступников, которые приковывались у весел к скамьям и должны были работать иногда до полного истощения. Вскоре и на другие

политических противников и уголовных преступников. Местом ссылки на пашню служила главным образом Сибирь с ее огромными и мало заселенными пространствами¹⁰. Особую категорию ссыльных составляли военнопленные. «Преследуя общую государственную цель заселения и укрепления окраин, московские правители не упускали случаев направлять военнопленных на восточные окраины своего обширного государства и преимущественно в Астрахань и Сибирь, где пленные являлись оберегателями границ, оплотом государства»¹¹.

С отменой смертной казни во второй половине XVIII в. наряду с простой ссылкой на житье появилась ссылка на вечное поселение¹². Законодательство XIX в. (Устав о ссыльных 1822 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 и других лет издания, закон 23 ноября 1953 г. и др.) различает пять

работы, на которых применялся труд преступников, было распространено название каторжных работ. С заменой гребных судов парусными работа преступников на галерах прекратилась сама собой. См.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 2. С. 65–66.

¹⁰ Только в одном документе – грамоте Тотемскому воеводе (1684 г.) – упоминается о ссылке на пашню в Пустозерский уезд. См.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 1. С. 69.

¹¹ *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 1. С. 64.

¹² Вечная ссылка сопровождалась потерей прав семейственных и соединялась с обязательными работами; подвергавшиеся ей поступали в ведение казенного управления. Ссылка на житье назначалась в административном порядке или в виде помилования и не сопровождалась потерей прав семейственных, поэтому подвергавшиеся ей отправлялись в места ссылки со своими семьями. Указом 28 марта 1799 г. сосланным на житье разрешено было причисляться в месте ссылки в купечество. См.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 2. С. 68.

видов ссылки: а) на каторгу¹³, б) на поселение¹⁴, в) на житье¹⁵, г) на водворение¹⁶, д) административная¹⁷.

В течение XVI – начала XX в. царизм «упорно и систематически» заселял Сибирь «преступниками и всякими “неблагонадежными” элементами, направляемыми туда со всех сторон обширной территории Европейской России». Трудно было найти хоть одну губернию, «которая не выслала бы своих представителей в зауральскую сторону». Достаточно было проехать хотя бы по одной из сибирских губерний и даже по округу, «чтобы встретиться с выходцами из Киевской, Тифлисской, Херсонской, Курляндской, Владимирской, Полтавской, Вологодской, Саратовской, Оренбургской и др. губерний. В отдаленной Сибири уместились рядом великороссы и малороссы, финны и та-

¹³ Ссылка на каторжные работы предполагала характер тяжкого уголовного наказания. Ее последствием являлась потеря прав семейственных и прав собственности. Законодательство различало каторгу пожизненную и срочную. Причем пожизненная каторга не сопровождалась бессрочными работами; подвергавшийся ей обязан был работать только в продолжение 20 лет; по их истечении он мог либо водвориться при том же заведении, либо поступить на вольное пропитание в ближайшие к заводу казенные волости. Осужденные в срочную каторгу по ее отбытии либо шли на поселение вместе со ссылными, либо обращались туда, куда было назначено в судебном приговоре (см.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 2. С. 80, 85–90). Таким образом, ссылка на каторжные работы означала вечное поселение в Сибири.

¹⁴ Отбывание ссылки на поселение распадалось на два момента: ссылнопоселенец должен был сначала отбыть под надзором администрации обязательные казенные работы в течение четырех лет, а затем получать право по своему усмотрению поселиться и водворяться в какой угодно сибирской губернии или области. Кроме ссылки в Сибирь, существовала ссылка в Закавказье, прежде всего за преступления против веры с целью предупреждения распространения вредных сект среди православных жителей Сибири. См.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 2. С. 80, 90–92.

¹⁵ Ссылка на житье впервые введена Уложением 1845 г. Действующее право различало ссылку на житье в Сибирь и несибирские губернии (Архангельскую, Олонецкую, Пермскую и др.). См.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 2. С. 92–93.

¹⁶ Ссылка на водворение была установлена первоначально в виде временной меры. По закону 23 ноября 1853 г. преступников, приговоренных к пожизненному заключению, стали направлять в Сибирь под именем водворяемых рабочих. В конце XIX – начале XX в. этому наказанию подвергались лишь обвиняемые в бродяжничестве. См.: *Жижин В.Д.* Ссылка в России... № 2. С. 93–94.

¹⁷ Административная ссылка предназначалась для лиц крестьянского и мещанского звания, а также для лиц, опасных для общественного и государственного устройства.

тары, калмыки и киргизы, ловкие конокрады-цыгане и всесветные целовальники – евреи. ...Словом, Сибирь представляет нам самый пестрый калейдоскоп; здесь хаотическая смесь племен и наречий»¹⁸.

Ссылными крестьянами были основаны и первые поселения в Сибири финнов, эстонцев, латышей и немцев. В литературе давно известен факт основания в начале XIX в. ссылными лютеранского вероисповедания колонии Рыжково в Пановской волости Тобольской губернии. До сих пор считалось, что деревня Рыжково была образована группой эстонских крестьян из Ямбургского уезда, сосланных в 1803 г. в Сибирь за участие в восстании против барона Унгерн-Штернберга¹⁹. Но исследователи расходятся в определении даты основания Рыжково и национальности ее основателей. Называются разные годы – 1799, 1802, 1803, 1804, 1809, 1843²⁰. Одни считают, что первое лютеранское поселение было основано эстонцами, другие – финнами-ингерманландцами, третьи – латышами-видземцами. Все же большинство авторов сходятся в том, что датой основания Рыжково следует считать 1802-1803 гг., а ее первыми основателями были латыши и финны. Так, латышский историк Х. Стродс еще в 1980 г. писал, что сюда в 1802 г. были высланы латыши, участники Каугурского восстания²¹. В статье академика университета

¹⁸ Чудновский С. Колонизационное значение сибирской ссылки // Русская мысль. 1886. № 10. С. 46.

¹⁹ При этом ссылка делается на «Полное собрание законов Российской империи». Т. XXVII. 1802–1803. С. 914, где приводится лишь текст указа Александра I о ссылке провинившихся крестьян в Сибирь на поселение, без указания места поселения. См., например: Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области (Исторический процесс формирования населения Среднего Прииртышья в этническом и национальном отношении) // Материалы к Третьему науч. совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. Омск, 1966. Вып. 1. С. 100; Маамяги В. Эстонские поселения в СССР (1917-1940 гг.) Таллин, 1977. С. 10–11; Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20-30-х гг. Новосибирск, 1994. С. 15.

²⁰ См. об этом: Лоткин И.В. Проблемы формирования поселений прибалтийских народов в Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского ун-та. С. 118.

²¹ Стродс Х.П. Основные этапы и причины начала массового переселения латышских крестьян в другие губернии России // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 192.

г. Турку Олави Гранэ утверждает, что деревня Рыжково была основана в 1802 г. добровольно поселившимися здесь финнами-ингерманландцами²². И.В. Лоткин полагает, что деревня Рыжково была основана латышами-видземцами, участниками Каугурского восстания 1802 г., а позднее туда прибыли ингерманландцы²³. Эта версия имеет и архивные подтверждения. Как сообщалось в «Записке касательно духовного призрения ссыльно-поселенцев евангелического вероисповедания в Сибири» президента Генеральной евангелическо-лютеранской консистории барона Мейендорфа, первыми жителями деревни Рыжково были финны, переселившиеся туда «по собственному желанию, в 1803 г.»²⁴.

Позже (по свидетельству барона Мейендорфа, в 1820 г.)²⁵ в Рыжково стали водворять ссыльных лютеранского вероисповедания (эстонцев, латышей, финнов, немцев). В связи с нехваткой земель, вызванной быстрым ростом населения (в 1846 г. в Рыжково было уже около 900 душ населения²⁶, а в 1859 г. – 1300²⁷), образуются побочные колонии: Козулина – в 45 верстах, Макарьева – в 108, Боярка – в 117 и Бутакова в 333 верстах²⁸. О. Гранэ называет в числе отпочковавшихся финских колоний Бугене (на берегу небольшой речки Буген) и Боярку на одноименном притоке Ишима²⁹.

В 1845 г. деревня Рыжково, по Высочайшему повелению, была официально назначена «сборным местом» ссылаемых за «маловажные» преступления в Западную Сибирь на поселение лютеран всех национальностей³⁰. Это привело к еще большему перепополнению населения деревни, а из-за смешения языков –

²² Гранэ О. Финские колонии в Сибири // Омская старина. 1993. № 1. С. 189.

²³ Лоткин И.В. Прибалтийские национальные группы в Сибири: формирование и проблемы межэтнического взаимодействия в XIX – начале XX в. // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков. Барнаул, 2010. С. 21.

²⁴ Исторический архив Омской области (ИАОО) Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 138.

²⁵ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 138–138 об.

²⁶ Колесников А.Д. Указ. соч. С. 100.

²⁷ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 138 об.

²⁸ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 139.

²⁹ Гранэ О. Указ. соч. С. 190.

³⁰ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 29–30, 39, 138–139.

к острым конфликтам между ее жителями. Учитывая это, Тобольский лютеранский проповедник пастор Мейер предложил образовать на берегу Оми новую колонию, где бы каждая национальность имела свою собственную деревню. Это предложение, поддержанное Евангелической Генеральной консисторией и генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом, получило одобрение правительства. В Еланской волости Тюкалинского уезда под новую колонию были отведены участки Иванушкино и Пупково. Летом 1861 г. 365 семей (156 эстонских, 108 финских и 101 латышская) выразили желание осмотреть новую местность³¹. Здесь ими в 1863 г. были основаны деревни Рига, Ревель, Гельсингфорс, Нарва. В последующие годы образовались новые деревни и хутора: Ново-Рига, Ново-Ревель, Орловка, Ковалева и др.³², в Тарском округе – колония Чухонская³³. Одно из старейших эстонских поселений в Тобольской губернии Вирукюла также было образовано ссыльными участниками крестьянского восстания в Эстонии в 1858 г., так называемой войны в Махтра³⁴.

По Высочайше утвержденному в 1845 г. правительственному постановлению ссылаемые в Сибирь «более важные преступники» евангелического исповедания подлежали отправлению в Енисейскую губернию в Минусинский округ, где для их расселения предполагалось образовать одну или две колонии³⁵. С этой целью начальник Енисейской губернии пригласил лютеран для поселения в Минусинском округе. На этот призыв откликнулось 5 семей финнов из деревни Чистой, расположенной примерно в 100 верстах от Рыжково. Ими в 1850 г. была основана финская колония Верхний Суэтук, куда с марта 1857 г. стали направлять ссыльных лютеранского исповедания. В 1858 г. выделившиеся из этой колонии латыши основали колонию Нижнюю Буланку на берегу одного из притоков р. Кебеж. До лета 1861 г. эстонцы жили вместе с финнами в Верхнем Суэтуке, а затем в 7–8 вер-

³¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 115–117.

³² Колесников А.Д. Указ. соч. С. 100.

³³ Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. СПб., 1871. С. ХСVIII.

³⁴ Мамяги В. Указ. соч. С. 11.

³⁵ ИАОО Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 29 об., 39.

стах от Нижней Буланки основали свою колонию – Верхнюю Буланку. С этого времени ссыльных финнов стали направлять в Верхний Суэтук, латышей – в Нижнюю, а эстонцев в Верхнюю Буланку. Несмотря на то, что не все ссыльные прочно оседали в колониях, население их быстро увеличивалось и к концу 1864 г. насчитывало 1122 чел.³⁶

Выделение латышей в особую колонию было связано с этноязыковыми различиями между финнами, шведами и эстонцами, с одной стороны, немцами и латышами, – с другой и возникающими на этой почве межэтническими конфликтами. На этом особо настаивала Генеральная консистория: «Улучшение может совершиться только в таком случае, когда ссыльные разделятся на две колонии, из которых в одной будут помещены финны, эсты и шведы, а в другой – немцы и латыши. Финны и эсты одного племени и вскоре изучают язык друг друга, несколько понимая его и без изучения, а из числа немногих ссыльных шведов едва ли найдется хоть один, который не понимал бы по-фински, что же касается до немцев и латышей, то хотя между ними нет сродства племени, однако не трудно найти таких проповедников, кистеров и школьных учителей, которые могут с успехом исполнять обязанности их звания для тех и других. Изучение немецкого языка для латышей и латышского для немцев не весьма затруднительно, тогда как между финнами и эстами с одной стороны, и немцами и латышами с другой, существует весьма большое различие и даже род народной неприязни...». По этим основаниям, Генеральная консистория полагала необходимым «принять меры, чтобы была отведена земля для учреждения другой колонии[...]. И, чтобы в существующей уже колонии были оставлены только финны, эсты и шведы, а во второй были помещены немцы и латыши. Было бы далее весьма желательно поселять в этой новой Минусинской колонии тех латышей лютеранского вероисповедания, которые за не весьма важные преступления присуждаются к поселению в Западной Сибири, так

³⁶ Гаунт В.В. Состояние колонии ссыльных лютеранского исповедания в Шушенской волости, Минусинского округа, с 1850 по 1865 гг. // Вторая памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 2866 гг. СПб., 1865. С. 58–68.

как в Рыжково для них трудно ужиться с тамошними эстами и финнами»³⁷.

После реформ 60-х гг. XIX в. потянулись в Сибирь, спасаясь от аграрного голода и произвола немецких баронов-помещиков, крестьяне из Прибалтики. В прибалтийской деревне, где пахотная земля уже давно (в XI–XII вв.) перешла в подворное пользование, с того момента как хозяева получили возможность выкупа своих участков, капитализм развивался очень быстро, что, как и везде, вело к вытеснению большей части населения из сельского хозяйства. Этот процесс протекал особенно остро еще и потому, что прибалтийские помещики, немцы по преимуществу, пытались расширить свои земли за счет изъятия крестьянских наделов. Эстонские и латышские крестьяне предпочитали не уходить в города, а пытаться найти свободные земли в других местах: в Белоруссии, в Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях, в Поволжье и Сибири. Начиная с 60-х гг. XIX в. и до начала XX в., в другие губернии мигрировало не менее 11% эстонского населения. Число крестьян, покинувших Латвию, достигало 10% сельского населения³⁸. В 1890-х гг. переселение эстонских крестьян в Сибирь приобретает массовый характер и продолжается вплоть до Первой мировой войны.

Перечень эстонских колоний, возникших на обширной территории от Кавказа до Дальнего Востока, неоднократно публиковался эстонскими авторами, и каждое новое издание расширяло список. В 1900 г. Ю. Меомуттель издал в Тарту на эстонском языке брошюру «Эстонские поселенцы на просторах Русского государства», где было названо 125 поселений. Следующий перечень, изданный редакцией газеты «Петербури театая» («Петербургский вестник») в 1912 г., содержал 165 пунктов. Список пастора Аугуста Николя, который в 1918 г. опубликовал опись эстонских поселений за пределами эстонских этнических границ, включал 347 названий; здесь были впервые упомянуты и города, где осели эстонские переселенцы (Петроград, Москва,

³⁷ ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4936. Л. 41 об. -42.

³⁸ См.: *Моора Х.А., Моора А.Х.* К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики // Советская этнография. 1960. № 3. С. 38.

Кронштадт и др.). Позже были и другие попытки собирать сведения об эстонских поселениях (С. Соммера, Я. Нэрмана и др.)³⁹.

Полная сводка этих сведений содержится в труде В.А. Маамяги⁴⁰. Наиболее активно, начиная с 1890-х гг., заселялась эстонцами Томская губерния, где к началу 1920-х гг. их насчитывалось примерно 15 тыс.⁴¹ Здесь возникло до 40 крупных и средних эстонских поселений, из них некоторые объединяли целые группы небольших деревень или хуторов. В Каинском уезде наиболее крупными были деревни Орава (основанная в 1896 г., 97 семей) и Николаевск (1897 г., 45 дворов). В Мариинском уезде – Кольцово (1900 г., 500 жителей), Вамбола (1908 г., 147 семей), Казекюла (она же Березовка, 1902 г., 102 семьи), Лилиенгоф (1902 г., 82 семьи) и др. Много поселений было и в Томском уезде, наиболее известное – Соляной Заселок (основано в 1896 г.). В Змеиногорском уезде выделялись поселения Лифляндка (1895 г.)⁴² и одно из наиболее зажиточных в Сибири – Эстония в Покровской волости (1897 г., 85 семей).

В Тобольской губернии эстонские поселенцы проживали в основном в Тюкалинском и Тарском уездах. В первом из них наиболее крупными были Омское поселение, объединявшее 17 деревень, из них 12 эстонских, и Золотая Нива (1895 г., 700 жителей). В Акмолинской области выделялось своим высоким экономическим уровнем относительно небольшое село Поливаново, расположенное в 65 верстах севернее г. Омска в Александровской волости. В Енисейской губернии, наряду с поселениями Верхний Суэтук и Верхняя Буланка, основанными ссыльными в 1850-х гг., а также сравнительно крупными селами Кипелово (60

³⁹ См.: *Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987. С. 37. Более полную историографию работ по этой проблеме см.: *Маамяги В.* Эстонцы в СССР... С. 3–5; *И.В.* Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность. Омск, 2003. С. 10–22.

⁴⁰ Ниже приводятся сведения, кроме оговоренных, в основном заимствованные из книги В. Маамяги «Эстонцы в СССР...» (с. 12–15). Приводимые им сведения в основном совпадают с данными эстонского отдела Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца), относящимися к началу 20-х гг. (см. приложение), на которых они, возможно, и основываются.

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1118. Л. 10-14.

⁴² По сведениям Наркомнаца – Мирляндка.

семей) и Эстония (400 жителей) в Канском уезде, основанными в 1900 и 1908 гг., участком Имбежский в том же уезде (1906 г., 300 жителей) и другими, было множество мелких эстонских групп и хуторов. На побережье Тихого океана, кроме Лифляндии и Линды, возникло еще пять небольших поселений.

Динамика образования эстонских поселений в Сибири и на Дальнем Востоке⁴³

Годы	Количество поселений	% к общему числу поселений
До 1861	5	5,3
1890–1906	24	25,3
1907–1914	43	45,3
1917–1919	2	2,1
Не указано	11	11,6
Всего	95	100,0

Всего, по данным Народного комиссариата по делам национальностей, к началу 1920-х гг. в Сибири насчитывалось свыше 100 эстонских поселений, образовавшихся в результате ссылки и добровольных крестьянских переселений. Больше всего эстонских колоний возникло в Томской (35) и Тобольской (33) губерниях. В Енисейской губернии и Акмолинской области их было меньше – 17 и 4. На Дальнем Востоке в Приморской области образовалось 7 колоний.

Расселялись эстонцы, как и латыши, хуторами или подворными поселениями, во многом отличавшимися от русских деревень. Подробное описание сложившейся у эстонцев, латышей и немцев системы землепользования находим в отчете чиновника Комитета министров Сосновского, командированного в 1899 г. в тарские урманы Тобольской губернии. «Во всем этом районе, – пишет он, – сложилась особая смешанная, подворно-общественная, система землепользования и создалось два вида хозяйств – мызовых и подворных. Большинство упомянутых «немецких», как их называли русские переселенцы, поселков, устроились мызами или хуторами, в которых вокруг усадьбы

⁴³ Подсчитано по материалам эстонского отдела Наркомнаца на начало 20-х гг.: ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1118. Л. 9–13.

сосредотачиваются и все угоды данного домохозяина. Границы каждой мызы, поля и дороги обязательно огораживаются изгородью; рогатый скот и лошади содержатся в теплых рубленых помещениях. Нашим бабам-переселенкам не нравится, что у «немцев нет улицы»[...]. Что касается подворных поселков, то отличие их от селений с общинным землепользованием заключается в том, что здесь в мирское пользование выделяются только леса, покотина, выгон и излишние свободные земли, усадьбы же, пахоты и сенокосы поступают в подворное наследственное пользование отдельных домохозяев с соблюдением при этом строгой уравнительности в распределении угодий»⁴⁴.

Однако компактность расселения, культурный и языковой барьер, особенно на первых порах, препятствовали установлению хозяйственных и культурных контактов с окружающим русским населением. Сосновский отмечал, что «... между водворившимися в Тарском уезде латышами, эстонцами и немцами-колонистами знание русского языка распространяется весьма слабо и, в лучшем случае, ограничивается умением связать кое-как несколько русских фраз, либо читать по-русски без понимания смысла прочитанного»⁴⁵.

Различия в языке и культуре, существовавшие между переселенцами-лютеранами разных национальностей, также сказывались на их расселении. В смешанных поселках каждая национальность имела свою улицу или конец. Например, в деревне Ковалево Еланской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. эстонцы жили на Вирусской Большой улице, латыши – на Курнаской улице, а финны-корлаки – на Корлацком кольце. Соответственно было разделено и деревенское кладбище⁴⁶.

Выходцы из Северной и Южной Эстонии также стремились селиться в разных населенных пунктах. Наблюдалось несколько

⁴⁴ *Материалы* по истории менонитских колоний в Омском Прииртышье. 1895-1930 / Сост. П.П. Вибе. Омск, 2002. С. 23.

⁴⁵ *Материалы* по истории менонитских колоний в Омском Прииртышье... С. 25.

⁴⁶ *Лоткин И.В.* Прибалтийские национальные группы... С. 29.

ко пренебрежительное отношение лютеран, уроженцев севера Эстонии к южанам – «сету»⁴⁷, исповедующих православие.

Отношения между переселенцами, особенно между эстонцами и латышами, как отмечали современники, в смешанных поселках не были дружественными, нередко доходя до драк и вооруженных столкновений. Один такой случай описал Сосновский. За несколько дней до его приезда в Большой Селим, состоявший наполовину из эстонцев, наполовину из латышей, здесь произошло «серьезное столкновение между латышами и эстонцами из-за участка церковной земли, причем с обеих сторон были пущены в ход копья, и в результате несколько человек были избиты». Учитывая эту вражду, Сосновский предлагал разделить такие поселки как Селимский, «пока еще не поздно, на два самостоятельных поселка», чтобы «прекратить раз и навсегда происходящие среди смешанного населения подобных поселков земельные распри и споры»⁴⁸. Стремление отделиться от латышей было присуще и самим эстонцам. К примеру, эстонские колонисты д. Островской Кияйской волости Красноярского округа Енисейской губернии, где в 1918 г. проживало 30 семей эстонцев и 49 семей латышей, в опросном листе, опубликованном газетой «Siberi Asunik» («Сибирский поселенец») и разосланном по эстонским колониям, выразили пожелание: «отделить поселение от латышей и объединить с находящимся по соседству Тарвасту. Отделить школу от латышей...»⁴⁹.

Но в тех смешанных селениях, которые были образованы ссыльными финнами и эстонцами, близкими по языку, за полвека совместной жизни установились вполне дружественные отношения. Так, в д. Верхний Суэтук, где в 1902 г. жили 357 финнов и 355 эстонцев, финны охотно вступали в брак с эстонцами и переходили на эстонский язык⁵⁰.

Переселенцы из Прибалтики отличались исключительной способностью хозяйственной адаптации в новых для них

⁴⁷ Майничева А.Ю. Бытовая культура эстонцев Сибири (конец XIX – первая треть XX в.) // Диаспоры. 2002. № 3. С. 155.

⁴⁸ Материалы по истории менонитских колоний в Омском Прииртышье... С. 25.

⁴⁹ Лоткин И.В. Прибалтийские национальные группы... С. 30.

⁵⁰ Лоткин И.В. Прибалтийские национальные группы... С. 30.

природно-климатических условиях. Основные средства к существованию традиционно доставляли земледелие и животноводство. Эстонцы внедрили на этих территориях некоторые новые приемы работы и орудия труда (многопольная система, железный плуг, конные грабли, выращивание льна). Одним из наиболее известных изделий, производимых эстонцами на продажу, было масло, технология изготовления которого отличалась от принятой в России. Дополнительный доход давали ремесла, рыболовство, охота и пасеки. Некоторые переселенцы работали на золотых и угольных копях. Одновременно перенимали у соседей связанные с местной традицией занятия (сбор кедровых орехов, выращивание арбузов) и предметы быта (топка с кизяком, элементы русской избы: печь, декоративные украшения) и т.д.⁵¹

Современники единодушно отмечали высокий уровень производственной и бытовой культуры переселенцев-лютеран. «Вместе с новыми земельными порядками и отношениями, – писал Сосновский, – лифляндцы, эстонцы и волынские немцы-колонисты принесли с собой в тарские урманы усовершенствованные приемы земледельческой культуры, поразительное трудолюбие, выносливость и настойчивость в работе. Благодаря такому багажу и оказанной им своевременной поддержке они в короткое время создали здесь целый ряд образцовых хозяйств, достигших уже завидного благосостояния.

Водворившись в урмане, эти выходцы, в противоположность «российским» переселенцам, которые первым делом одинаково заботятся о сооружении домов, прежде всего, принимались за расчистки; причем первую зиму проводили нередко в землянках и, только обзаведясь пашней, приступали к устройству постоянных жилищ. Многие из них привезли с собой семена клевера, нескольких сортов озимой пшеницы, а из огородных растений привезены ими и с успехом разведены: морковь, картофель, репа, редька, капуста, огурцы, свекла, горох, фасоль, бобы и пр. На мызных полях и подворных участках заводятся паровые

⁵¹ <http://www.folklore.ee/estonka/files/index.php?id=79&keel=ru>

поля, удобрение и правильное чередование посевов с введением в севооборот травосеяния»⁵².

Эти же особенности хозяйственной культуры переселенцев из Прибалтики отмечал А.А. Кауфман: «В среде переселенцев, действительно, встречаются такие, которые ведут образцовое, даже и не для своего только района, хозяйство. В глухом тарском урмане мне пришлось попасть в только что за год перед тем возникшие латышские поселки; за один год латыши расчистили из-под густого леса широкие квадраты пахотных полей, и не только расчистили, но сняли покрывавший почву густой войлок мертвой травы и мха, который, перепрев, должен был пойти на удобрение почвы; эти поля были разбиты на небольшие полосы, из которых уже были сделаны первые посеы какого-то мудреного плодосеменного оборота; на усадьбах, кроме чистых и просторных жилых домов, у некоторых уже были готовы теплые хлева и сеновалы, – словом, можно было вообразить себя где-нибудь в окрестностях Дерпта или в имении новгородского помещика, раздавшего землю под хутора эстонцам или латышам»⁵³.

Подобным образом характеризовались хозяйства переселенцев-лютеран Тарского округа в материалах обследования 1926 г.: «...Хозяйства немцев, латышей и эстонцев резко выделяются среди всех остальных своей культурностью: в них значительно больше применения с/х машин, больше вложенного в постройки (просторные жилые помещения, теплые или утепленные скотные дворы, большие риги для хлеба, летние поскотины на каждом хуторе) и более рациональная организация всего хозяйства (5,6 и 7 полос), которое вследствие значительно развитого травосеяния, больших затрат на скотные дворы, – можно охарактеризовать как хозяйство интенсивно-животноводческое, являющееся в данных природных и экономических условиях наиболее рентабельным, чем другие отрасли хозяйства»⁵⁴.

⁵² *Материалы по истории менонитских колоний в Омском Прииртышье. 1895-1930 / Сост. П.П. Виле. Омск, 2002. С. 23.*

⁵³ *Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905 г. С. 328.*

⁵⁴ *Суслов Н.Н. Хозяйство переселенцев Правобережной части Тарского округа по материалам статистико-экономического обследования 1926 года // Материалы для изучения переселенческих хозяйств Тарского округа. Вып. 4. Ч. 1-я. Новосибирск, 1928. С. 67.*

Говоря о хозяйствах эстонцев и латышей в Тарском округе, Сосновский отметил также, что «они изготовляют прекрасные сукна, из которых и выделывают всю свою одежду. Кроме того, на Эстонском участке второй год уже как производится новоселом Тюксом, в скромных пока размерах, сыроварение, причем получается прекрасный бакштейнский сыр, легко сбываемый в г. Тару; на Курляндском же участке заканчивается сооружение на р. Каве огромной турбинной мельницы, которую строит латыш Граф на средства образовавшейся среди новоселов маленькой акционерной компании, при помощи ссуды в 300 руб., выданной крестьянским начальником Оноре из кредита на устройство в урманах мельниц»⁵⁵.

Современники особо подчеркивали, что «соседство благоустроенных мызовых и подворных хозяйств оказывает культурное влияние на население окрестных переселенческих поселков, которое начинает уже понемногу перенимать кое-какие приемы у своих соседей и заводить травосеяние, плужную обработку и т.п. . . .»⁵⁶.

Несомненный интерес для исследования представляют наблюдения и зарисовки В.Л. Кигна (псевдоним – Дедлов), писателя, путешественника, государственного и общественного деятеля, служившего по переселенческому ведомству. Главным объектом наблюдения во время его путешествия в Сибирь были крестьяне-переселенцы, из этнической характеристики которых вытекают их колонизационные качества: отношение к собственности, труду, богатству, умение адаптироваться к новым природным и экономическим условиям, предприимчивость и т.д. Переселенцы из Прибалтики представляют в описании В.Л. Кигна-Дедлова резкий контраст русским переселенцам, равно и украинцам, белорусам и переселенцам других национальностей: «В полуверсте от белорусов – люди совсем иной культуры: сначала латыши, а немного дальше – эсты. На сорок верст дальше – немцы [...]. Эти урманы – совсем культурная и этнографическая выставка. Кого только в них нет! И великорусы,

⁵⁵ *Материалы по истории менонитских колоний в Омском Прииртышье...* С. 24.

⁵⁶ *Материалы по истории менонитских колоний в Омском Прииртышье...* С. 24.

народ «естественный», немного с дичинкой, но бодрый, смысленный и свободный[...]»⁵⁷. Вот бедняга белорус действительно забит, действительно и до сих пор раб по уму и по характеру, но это приписывают дурному питанию и курным избам, а не ужасам крепостного права. Латыши и эсты не естественные, но и не забиты, а дисциплинированные люди. Их «паны», немцы, даже остзейские, даже крепостники, преумный народ[...]. Из своих крепостных не выжимали сока. Они не расщедрились для них на наделы, не создали немалочисленный класс зажиточных арендаторов. Они не превратили своего мужика в «быдло», а учили его читать, молиться, петь, соединяться в ферейны. Это – не тираны, не сентиментальные народники, а разумные практические хозяева, которые не отделяли своего благополучия от мужицкого, причем себе, конечно, брали львиную долю, потому что могли ее взять»⁵⁸.

Показательна характеристика, которую Дедлов дал особенностям хозяйственной деятельности латышских и эстонских переселенцев: Латыши «[...] поселились хуторами, разбросав свои фермы по всем участку. У каждого просторный дом, немного похожий на сарай, с земляным полом, но светлый и чистый. Под окошком несколько гряд с цветами. Дальше огород с отличными овощами. Пашни, разбросанные по полям между перелесков, огорожены, удобрены и удивляют соседей белорусов пышностью хлебов. Разделявают из-под леса новые поляны; жилистые латыши корчуют гигантские пни колоссальных лиственниц и ворочают их с медвежьей силой и воловьим упорством. Зачем корчевать, когда земли вдоволь? Но латыши – не то, что наш «естественный» русак, который ограбит землю и уйдет дальше. Ученик немца садится на век. Детям или внукам все равно придется корчевать...»⁵⁹. Хотя эстонцы, в отличие от латышей, «поселились деревней, но землю поделили подворно». Как и латыши, они тоже сели «прочно, тоже ворочают и корчуют пни, думают о детях и внуках».

⁵⁷ Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири. Художественная публицистика. М.: 2008. С. 264.

⁵⁸ Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. С. 265.

⁵⁹ Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. С. 265-266.

Эстонцы особенно поразили Дедлова «своей культурностью, которой так недостает русаку, имеющему неоспоримые, но уж слишком естественные, доставшиеся ему даром, достоинства. При въезде в деревню была устроена из зелени и цветов арка. В воротах приготовленной для нас избы стояла группа по возможности благообразных чухонок. У каждой в одной руке был букет, в другой – нотная тетрадь. Хор эстонских красавиц встретил нас пением. Чухонские голоса маленько визжали, маленько скрипели, но пели без ошибок, добросовестно, умело – пел спевшийся «зингферейн». На следующее утро сигнал к вставанию был подан согласным пением того же хора. Пением и цветами проводили нас до лошадей. Чувствовалось, что эти люди приучены жить сознательно, приучены группироваться, действовать дружно; чувствовались твердые формы, прочный, целесообразный уклад жизни. Обидно становилось, когда мысленно сравнивал с дисциплинированными эстами беспорядочную русскую толпу, которую сдерживает только сила, а объединяют только большие опасности в исключительные моменты»⁶⁰.

Организация церковной жизни в эстонских деревнях осуществлялась при поддержке Российской евангелической лютеранской церкви. С созданием централизованной системы управления лютеранской церковью в России, окончательным оформлением Генеральной консистории (1819 г.), созданием консисториальных округов, утверждением Устава церкви (1832 г.) в начале XIX в. оформились церковные приходы, общие для всех лютеран в Сибири: в Тобольске, Томске, Барнауле, Омске, Иркутске. В XIX в. здесь уже имелись каменные лютеранские кирхи, построенные взамен деревянных: в Омске – с 1792 г., в Барнауле – с 1861 г.⁶¹, в Иркутске и Томске – с 1864 г.⁶² Лишь в Тобольске оставалась деревянная церковь, возведенная в 1860 г. Эти адми-

⁶⁰ Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. С. 266-267.

⁶¹ По другим сведениям, каменная церковь во имя Св. Павла в Барнауле была выстроена в 1860 г., а до этого времени (с 1786 г.) там функционировал молитвенный дом. См.: *Памятная книжка Томской губернии на 1908 г.* ... С. 123.

⁶² Закладка Лютеранской церкви (кирхи) во имя Св. Марии в Томске состоялась 4 июля 1859 г. См.: Адресно-справочная книга «Весь Томск»... С. 31.

нистративные центры стали и местом пребывания лютеранских пасторов⁶³. В большинстве колоний, образованных ссыльными, имелись кистеры – школьные учителя, оплачиваемые из кассы взаимопомощи лютеранской церкви, строились церкви и школы (Верхний Суэтук, Рыжково, Верхняя Буланка, Бугене)⁶⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. с присоединением новых территорий (Дальний Восток) и началом массовых крестьянских переселений в Сибирь, в том числе из Прибалтики и немецких колоний, произошли изменения и в организации лютеранских приходов. В 1865 г. был учрежден приход в Амурской и Приморской областях, которые до этого находились в ведении иркутского пастора⁶⁵. В 1903 г. был образован приход в Новониколаевске⁶⁶. По состоянию на 1908 г. в Сибири имелось 7 протестантских (евангелическо-лютеранских и реформатских) приходов (Тобольский, Омский, Томский, Красноярский, Иркутский, Забайкальский, Амурско-Приморский). Резиденциями пасторов были соответственно: Тобольск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита, Благовещенск⁶⁷.

На Дальнем Востоке первым лютеранским пастором был Люмпетер, уроженец Лифляндии, который прибыл во Владивосток в 1880 г. Его сменил пастор А. Леста, родом из Эстонии, служивший с 1914 по 1921 г. Евангелическо-лютеранская община Приморья в 1905 г. объединяла 1715 немцев, 693 латыша, 673 эстонца, 36 финнов, 26 шведов и 11 армян. Деревянная лютеранская церковь одной из первых появилась во Владивостоке, в начале XX в. здесь была построена каменная церковь⁶⁸.

Пасторы Сибири были высокообразованными людьми – выпускниками богословского факультета Дерптского универси-

⁶³ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (XVIII в. – 1938 г.). М., 2000. С. 58.

⁶⁴ <http://www.folklore.ee/estonka/files/index.php?id=79&keel=ru>

⁶⁵ Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа... С Там же. С. 61.

⁶⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 77. Д. 57. Л. 1, 8.

⁶⁷ Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб., 1908. С. 132.

⁶⁸ Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 51.

тета, владели несколькими языками. Кандидат богословия при сдаче экзамена на право занятия места пастора в приходе, кроме испытаний по богословским наукам, проходил аттестацию по педагогике, особенно по методике начального обучения. Такая подготовка давала возможность привлекать пасторов для работы и в светские учебные заведения. Так, в середине XIX в. из-за отсутствия учителя по немецкому языку в томской гимназии, где обучали европейским языкам – французскому и немецкому, на эту должность был приглашен дивизионный лютеранский проповедник А. Тецлав, который обслуживал военных в Барнауле и Томске. Совмещение им проповеднической и учительской деятельности в Томске стало одним из поводов временного переноса в 1851 г. официального местопребывания пастора из Барнаула в Томск. Окончательно резиденция пастора была переведена из Барнаула в Томск в 1889 г. С этого времени Томск становится центром лютеранского прихода Томск – Барнаул⁶⁹.

Приведем характеристику Томско-Барнаульского евангелическо-лютеранского прихода, содержащуюся в «Памятной книжке Томской губернии на 1908 г.»⁷⁰ Число его прихожан в 1908 г. достигало 5,5 тыс. чел., из них половину составляли немцы, остальные – эстонцы и небольшая часть латышей. Эстонские прихожане проживали в селениях Березовка, Лиленгоф, Подъельники, Кольцово, Комиссаровка, Тунда, Усть-Иня, Орава, Николайский поселок и Эстония, латыши в деревнях Кайбинская и Салаирка⁷¹.

В 1910-х гг. более богатые, крупные и лучше обустроенные деревни смогли построить молельни и школы и нанять из Эстонии кистеров – школьных учителей (Эстония на Алтае, Золотая Нива). По разным данным, церкви имелись в деревнях Рыжково, Верхний Суэтук, Ряпина (Енисейская губерния) и Хайдак, молельни, школы-молельни и часовни имелись в дерев-

⁶⁹ Черказянова И.В. Немецкая национальная школа... С. 59, 63.

⁷⁰ С 1751 по 1908 г. приходом заведовали 11 пасторов. По состоянию на 1908 г. его возглавлял кандидат университета Рудольф Карлович Дальтон, утвержденный Московской лютеранской консисторией в 1904 г. Одновременно он состоял учителем Закона Божия при Томском коммерческом училище, частной гимназии Миркович и немецкой приходской школе.

⁷¹ *Памятная книжка Томской губернии на 1908 год...* С. 122–124.

нях Эстония, Старый Ревель, Верхняя Буланка, Оравка, Большой Селим, Лебедиха-Серосика, Вабакюла, Юрьевка (вблизи Мариинска) и в других колониях. Православные селу входили в общие приходы с другими окрестными народами, центром православия стала деревня Хайдак⁷².

Наряду с церковью, одним из важных трансляторов языковой и культурной идентичности являлась школа. Первая школа в лютеранских колониях открылась в Рыжково. Преподавание велось на эстонском, латышском и финском языках. Первым учителем был пастор Пундани, в 1861 г. его сменил учитель Ануш, основавший первый в селе певческий хор. В начале XX в. в Рыжковской колонии существовало уже две школы – латышская и эстонская, находившиеся на государственном обеспечении. Преподавание по-прежнему велось на трех языках, но поскольку учителей не хватало, поселенцы прибегали к помощи ссыльных. На эстонском языке преподавал ссыльный Рейман, на латышском – Сула, на финском – Фрепин⁷³.

Школа была обычным явлением в эстонских деревнях. Это было связано с тем, что переселение эстонцев в Сибирь совпало по времени с началом национального пробуждения в Эстонии, когда высокую ценность приобрело образование. В начале XX в. в Тюкалинском уезде Тобольской губернии – местах компактного проживания финнов, эстонцев и латышей действовали 4 лютеранские школы: Чухонская, Рыжковская, Рижская и Гельсингфорская⁷⁴. По данным пастора А. Ниголя, в 1918 г. в Западной Сибири насчитывалось 21 стационарная и 2 передвижные эстонские школы, из которых 12 располагались в Тобольской губернии, 8 – в Томской и 3 – в Омской⁷⁵. По данным Наркомнаца на начало 1920-х гг., в Тобольской губернии было 9 школ, Томской – 6, Енисейской – 3, в Акмолинской области и Алтай-

⁷² <http://www.folklore.ee/estonka/files/index.php?id=79&keel=ru>

⁷³ *Лоткин И.В.* Формирование и развитие латышских и эстонских культурных институтов в Западной Сибири (XIX – первая половина XX в.) // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1996. С. 130.

⁷⁴ *Черказьянова И.В.* Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII –XX вв.) СПб., 2004. С. 93.

⁷⁵ *Лоткин И.В.* Прибалтийская диаспора... С. 97.

ской губернии – по 2. В Приморье было 2 школы: одна во Владивостоке, вторая – в Лифляндке и Линде.

Как видим, школы открывались далеко не в каждом поселении. Местное начальство всячески противодействовало открытию. Так, в 1911 г. переселенцами-эстонцами посёлка Николаевского Канского уезда Енисейской губернии было возбуждено перед Переселенческим управлением ходатайство об открытии одноклассной школы Министерства народного просвещения, которое было оставлено без ответа. Отсутствие школ приводило к резкому падению уровня грамотности среди нерусских переселенцев. В том же посёлке Николаевском в момент переселения в Сибирь было лишь 34 неграмотных из 260 чел. (13,1%). Через 15 лет среди жителей посёлка насчитывалось уже 272 неграмотных из 587 жителей, т.е. 46,34%⁷⁶.

Там, где национальные школы все же открывались, преподавание родного языка подвергалось систематическим ограничениям. Родной язык преподавался только в 40% эстонских школ за пределами Эстонии⁷⁷. В начале XX в. в Енисейской губернии в латышских и эстонских колониях и на переселенческих участках, заселенных латышами и эстонцами, было открыто несколько министерских школ. Поскольку переселенцы в большинстве своем не знали русского языка, учителями назначались лица, владевшие латышским и эстонским языками, обучение в первые два года велось на родном языке, а русский язык преподавался в качестве учебного предмета. На третьем и четвёртом году обучения преподавание всех предметов, кроме Закона Божьего и церковного пения, переводилось на русский язык, а родной язык преподавался в качестве учебного предмета. Такое обучение вполне себя оправдывало. Но с появлением в 1913 г. циркуляра министра просвещения Кассо, запрещавшего преподавание в «инородческих» школах родного языка, местное учебное начальство приказало изъять из программы родной язык⁷⁸. Опираясь на это распоряжение, инспекторы народных училищ запрещали преподавание учебных предметов на родном языке даже

⁷⁶ *Сибирская жизнь*. 1914. 2 апр.

⁷⁷ *Маамяги В. А.* Эстонские поселенцы... С. 31.

⁷⁸ *Сибирская жизнь*. 1914. 16 апр.

в школах для детей беженцев⁷⁹. Образование на родном языке могли получать только жители крупных деревень. Его недостаток восполнялся домашним обучением. Детей отправляли также в ближайшие иноязычные школы.

Таким образом, переселившись в Сибирь и расселившись компактными анклавами на всем ее пространстве, несмотря на трудности, связанные с суровыми природно-климатическими условиями и глубокими языковыми и культурными различиями с принимающим обществом, эстонские переселенцы, благодаря присущей им высокой производственной и бытовой культуре, сумели успешно и достаточно быстро приспособиться к новым условиям проживания в инокультурной социуме, создавая «образцовые» земледельческо-животноводческие хозяйства и сохраняя родной язык и свои культурные традиции и обычаи. Но все перевернула мировая война и последовавшие за ней революционные потрясения.

Приложение

Эстонские колонии в Сибири

Название административных единиц	Название колоний	Дата основания или переселения	Число жителей		Примечания
			семей	человек	
1	2	3	4	5	6
Акмолинская обл.	Г. Омск			300	
	Поливаново	1908	25		
	Петровск	1895–1898		4000	Школа
Тобольская губ.	Покорное	1890–1893		600	Школа
	Ивановка	1895		450	Школа
	Ковалева	1890		350	Школа
	Ново-Ревель	1914		350	
	Вирукюла, или Ревель	1860			Школа

⁷⁹ *Сибирская жизнь*. 1915. 29 нояб.

	Васюган-Павловск	1909		295	Школа
	Березовка	1907		300	
	Розенталь, или Велико-Яман	1909		480	
	Касимовка, или Мало-Яман	1909		80	
	Арукюла	1909		210	Школа
	Уускюла	1917		210	
	Троицкий	1911			
	Полуденное	1919		170	
	Нарва	1907		70	
	Власинская	1907			
	Калачевский	1908		150	
	Семенова	1908		150	
	Золотая Нива	1895		700	Школа
	Ръжково	1803		500	
	Боярское	1893	15		Школа
	Высокогри-венск	1909	12		
	Пос. Юрьев-ский	1897		300	Школа
	Новиковская	1897	27		
	Рождествен-ский	1898	10		
	Велико-Селим				Школа
	Мало-Селим				
	Лилейское			250	Школа
	Эстонское	1897		150	
	Лифляндка	1909		250	
	Анцен				

	Посад Калонинский			180	
	Солтыкова			60	
	Бураблянка			25	
	Талобск			40	
Томская губ.				Ок 15000	
Каинский у-д	Дер. Оравская	1896		550	
	Николаевск	1897		300	
	Ново-Березовка	1896		200	
	Каяк	1907		200	
	Пос. Рождественский	1909	15		
Томский у-д ⁸⁰	Боровск	1910	15		
	Пос. Ново-Каменский	1903		70	
	Карбосак		15		
	Порос		28		
Мариинский у-д					Ок. 17 колоний
	Вамбола	1908		700	
	Село Свобода			200	
	Березовка	1902		500	Школа
	Медстат (м.б. Мезодат)	1907		400	Школа
	Лилиенгоф	1902		300	Школа
	Линдинское	1906		200	Школа
	Золотая Долина			250	
	Орехово		10		
	Кайдулинское	1908		400	Школа

⁸⁰ Значительное количество эстонцев проживало также в г. Томске, в рудниках около станции Анжерской и около станции Тайга

Продолжение табл. 5

	Юрьевская	1911		350	
	Пос. Маль- ковский	1908		400	
	Комиссаров- ка		10		
	Кольцовка	1900		500	Школа
	Будово	1908		56	
	В е р х н е - Зимовск	1908		160	
	Участок Тих- левский	1908		215	
	Дундинск	1899		80	
	Участок Ер- молаевский	1908		188	
А л т а й с к а я губ.					
	Эстония	1909		130	Троиц- кой вол.
	Соляной За- селок	1896	27		
	Мирляндка	1895		170	
	Рудовозово, или Боро- вушки				
	Эстония	1897		500	Покров- ской вол. Школа
	Сякюла	1907		80	
	Лебедиха				
	Сережки	1907		260	Школа
	Березовка			130	

Енисейская губ.				Свы- ше 4500	
	Участок Тор- гинский	1903,1907		60	
	Участок Са- мовольный ⁸¹	1909		115	Школа
Красноярский у-д, участки:	Коколевский	1909		82	
	Сухая Кирза	1909		128	
	Грязная Кир- за	1909		20	
	Суровый	1909		23	
	Кроль	1909		60	
	Соринский	1909		28	
	Островский	1902,1907		250	Школа
	Имбежский	1906		300	
	Сухановский			28	
	Синий Хре- бет			62	
	Эстонский	1906		35	
	Кр е с т ь я н - ский	1907		85	
	Кабрицкий	1898–1900		325	
	Ново-Печора	1897		250	
	Лебедево			115	
	Чумаковский	1908		95	
	Кипелово	1900		335	
	Болотный, село Эсто- ния	1908		410	
	Крутой	1908		165	
	Бахчинка	1907		70	

	Верхний Суэтук, или Каменный Брод	1848		800	Школа
	Верхняя Буланка	1861		1000	Школа
Якутская обл.	Гдовская колония	1910		Ок. 70	
Иркутская губ.				180	
Дальний Восток	Г. Владивосток			Ок. 800	Школа
	Г. Хабаровск			Ок. 100	
	Лифляндка и Линда	1897		Свыше 600	Школа
	Тавричанка	1908		50	
	Поворотна			60	
	Славянка	1907		60	
	Мостовой	1911		60	
	Посьет			Ок. 900	

Источник: ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1118. Л. 2–14.

⁸¹ В окрестностях участка Самовольного проживало дисперсно еще 300 эстонцев.

Демографические процессы в еврейской диаспоре Западной Сибири в XIX – начале XX в.

Юрий Гончаров⁸²

Без изучения историко-демографических аспектов нередко сложно понять и другие проблемы локальной истории евреев. Специфика формирования еврейских общин региона в дореформенный период определила и некоторые демографические особенности. В частности, результатом того, что главным источником пополнения еврейского населения была ссылка, явилось значительное преобладание евреев-мужчин. Так, в 1835 г. среди евреев Западной Сибири 63% были мужчины и только 37% – женщины. В Тобольской губернии из 681 чел. мужчинами были 393, или 58%, в Томской – из 1054 – 702, или 67%⁸³.

К 1860 гг. в соотношении полов произошли определенные сдвиги. В 1864 г. доля мужчин составила 54%, женщин – 46%. При этом, если в Томской губ. на 759 муж. (49%) приходилась 781 жен. (51%), то в Тобольской на 869 муж. (59%) – 605 жен. (41%)⁸⁴. Диспропорция полов сохранялась, но разрыв между числом мужчин и женщин существенно сократился. Если мужское население за 1835–1864 гг. увеличилось в 1,5 раза, то женское – в 2,2 раза. Оптимизация полового состава происходила, во-первых, из-за того, что ссылка к этому времени перестала играть в формировании еврейского населения главную роль; во-вторых, продолжавшийся вывоз еврейских невест из черты оседлости заметно увеличивал численность женщин⁸⁵.

По данным переписи 1897 г., среди всех национальностей, проживавших в Западной Сибири, наиболее гармоничное со-

⁸² Гончаров Юрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор отечественной истории Алтайского государственного университета.

⁸³ Ивонин А.Р. Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-х – начала 60-х гг. XIX в. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока: Матер. III регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Улан-Удэ, 2002. С. 21.

⁸⁴ Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 347; Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872.

⁸⁵ Ивонин А.Р. Еврейское население... С. 18.

отношение полов было у русских (980–984 женщины на 1000 мужчин) и у евреев (984–1004). Так, в Томской губернии на 3810 мужчин приходилась 3801 женщин. В то же время в других диаспоральных национальных группах (немцы, поляки) отмечалось значительное преобладание мужчин, удельный вес которых мог доходить до 2/3.

Анализ движения демографических коэффициентов (брачности, рождаемости и смертности) еврейского населения Сибири затрудняется нехваткой массовых источников. Тем не менее, на основе доступных данных можно сделать некоторые выводы.

В современной историко-демографической литературе существует направление, которое характеризует динамику брачности, рождаемости, смертности и механизмов их социального регулирования в последние два столетия с позиций теории демографического перехода. В соответствии с этой теорией в процессе модернизации, т.е. перехода от традиционного общества к современному, происходят глубокие качественные изменения типа воспроизводства населения. В результате этих изменений характерное для традиционного общества сочетание высокой смертности и высокой рождаемости сменяется относительным равновесием низкой рождаемости и низкой смертности. Для начальных этапов демографического перехода характерно опережающее снижение смертности при сохранении высокого уровня рождаемости, следствием чего становится демографический взрыв. Движение от традиционного к современному (модернизированному) типу воспроизводства населения началось в ряде стран Западной Европы в конце XVIII в. и к середине XX столетия охватило почти весь мир⁸⁶. В России переход к современному типу воспроизводства населения происходил в основном в течение XX в. Однако его ранние этапы исследователи относят к концу XIX в.

В этом плане весьма важно проследить, в какой степени демографический переход был характерен для разных национальностей региона, выявить национальную специфику основных демографических показателей.

В 50–60-х гг. XIX в. уровень рождаемости среди всего населения Тобольской губернии оставался очень высоким – 54‰, в то

⁸⁶ См.: Вишневецкий А.Г. Воспроизводство населения и общество. М., 1982.

же время среди еврейского населения значительно ниже – 26,9%. Чрезвычайно высокой была смертность населения – 39,1%, в то же время среди евреев смертность была значительно ниже: коэффициент смертности составлял 10,5%. Более благоприятные демографические показатели у евреев заставляют предположить, что уже в середине XIX в. еврейская семья находилась на переходе от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. Как писал историк А.Р. Ивонин, «Это означает, что еврейская семья опережала в своем развитии православную, но сама она находилась в начальной стадии демографического перехода»⁸⁷. При этом очевидно, что в Западной Сибири протекали те же процессы, что и у евреев западных губерний России⁸⁸.

Одним из показателей, характеризующих брачное поведение, является коэффициент брачности, т.е. количество браков на 1000 чел. В городах Сибири на протяжении всего изучаемого периода прослеживается устойчивая тенденция снижения уровня брачности. Если в середине XIX в. уровень брачности среди городского населения составлял 9–10%, то на рубеже XIX–XX вв. он снизился до 7–8%, а накануне революции составлял всего 4–5%⁸⁹. В 1875 г. в Томске на 2160 чел. еврейского населения было заключено 24 брака, что составляет 11%⁹⁰.

Анализ брачности в городах региона показывает изменение в брачном поведении горожан Сибири в пореформенное время, и свидетельствует о том, что конец XIX – начало XX в. являются моментом начала демографического перехода. При этом процессы изменения в брачном поведении в Сибири несколько отставали от аналогичных процессов в Европейской России, но развивались в том же направлении⁹¹.

⁸⁷ Ивонин А.Р. Еврейское население... С. 18–19.

⁸⁸ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 206–208.

⁸⁹ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1: Население. Экономика. Барнаул, 2003. С. 124.

⁹⁰ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 65. Л. 4, 9.

⁹¹ Гончаров Ю.М. Брачность, рождаемость и смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2003. С. 3–27.

Статистик Е.В. Клячкин, по материалам метрических книг, исследовал национальную гомогенность браков, заключенных в Омске в 1916 г. Опираясь на его данные, мы можем вывести коэффициенты национальной гомогенности брака, которые составляли для евреев – 1,0, татар – 1,0, русских – 0,96, немцев – 0,80, поляков – 0,36⁹². Коэффициенты, равные единице, для евреев и татар означают, что представители этих национальностей практически не вступали в смешанные браки, что определялось, конечно же, религиозными причинами. Как отмечает В.В. Шиллер, «... ориентация при заключении браков исключительно на представителей своей этноконфессиональной группы свидетельствует о слабом включении евреев... в систему этноконфессионального взаимодействия»⁹³. Уровень брачности тесно связан с возрастом вступления в брак. Откладывание брака на более поздний возраст снижало брачность и являлось одним из свидетельств начала демографического перехода.

Более высоким, чем у православных, возраст вступления в брак был у евреев. По данным Л.В. Кальминой, в Восточной Сибири у евреев крестьянского сословия средний возраст невесты составлял 21 год, жениха – 26–27 лет. В городах мужчины заключали браки в возрасте 30–32 лет⁹⁴, в то время как среди православных – в 25–26 лет.

В 1903–1907 гг. у бракосочетавшихся евреев Мариинска младшие (наиболее часто встречающиеся) значения возраста вступающих в брак составляли у мужчин 25,5 года, у женщин – 20,5⁹⁵.

Сохранение высокой рождаемости в России имело объективное оправдание в высоком уровне смертности, но и то, и другое в начале XX в. воспринималось как анахронизм. П. Милюков, говоря о высокой рождаемости в России, считал ее «биологической причиной... слабое развитие индивидуальности, экономической

⁹² Клячкин В.Е. Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–26 гг. Омск, 1928. С. 45.

⁹³ Шиллер В.В. Евреи г. Мариинска (конец XIX – начало XX вв.) // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001. С. 51.

⁹⁴ Кальмина Л.В. Еврейская семья Восточной Сибири (середина XIX – начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 150.

⁹⁵ Шиллер В.В. Евреи г. Мариинска... С. 51.

причиной – низкий уровень благосостояния и социальной – обособленность низшего общественного слоя и отсутствие надежды подняться выше своего положения»⁹⁶.

В Сибири во второй половине XIX – начале XX в. в целом еще господствовала традиционная модель демографического поведения. В то же время уже складывались социально-экономические, культурные и психологические условия для начала процесса демографического перехода. Рождаемость в регионе, особенно в сельской местности, оставалась очень высокой и четко выраженной тенденции сокращения не имела. Показатели и динамика рождаемости зависели не столько от сознательного внутрисемейного регулирования деторождения, сколько от состояния половозрастной и брачной структуры населения⁹⁷.

Значительное превышение рождаемости над смертностью и высокий естественный прирост у евреев Западной Сибири, характерные для начальных этапов демографического перехода, являлись одним из главных источников быстрого увеличения численности общины. Например, по подсчетам В.В. Шиллера, в еврейской общине Мариинска в 1890–1894, 1903–1904 и 1906–1907 гг. родились 764 чел., а умерли всего 160⁹⁸.

**Таблица 1. Репродуктивный цикл еврейских семей
Тобольска (по данным 1874 г.)**

Возраст супруга	18–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60+	Всего
Семей	2	3	11	11	14	17	9	9	11	87
Детей	1	6	31	45	46	64	46	30	34	303
Детей на 1 семью	0,5	2,0	2,8	4,1	3,3	3,8	5,1	3,3	3,1	3,5

Источник: ГУТО ГАТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 54.

Рассмотрим репродуктивный цикл еврейских семей Тобольска (табл. 3). Исследуемая группа семей была небольшой, всего

⁹⁶ Миллюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I: Население, экономический, государственный и сословный строй. М., 1918. С. 27.

⁹⁷ Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С. 67.

⁹⁸ Шиллер В.В. Евреи г. Мариинска... С. 50.

87 семей, тем не менее полученные данные показывают достаточно типичную картину: постепенное нарастание численности детей с возрастом родителей, достижение пика, затем уменьшение числа детей. При сравнении с такой же группировкой семей русских горожан⁹⁹, можно отметить некоторые особенности. Прежде всего, это существенно большая средняя людность детей практически во всех возрастах, всего же 3,48 ребенка на семью против 2,26 ребенка в семьях русских. Однако это обуславливалось не большим уровнем рождаемости, а меньшим уровнем смертности у евреев, чем у русских. Подобная ситуация наблюдалась и в Восточной Сибири. Например, в Иркутске в 1860–1880-х гг. при среднем по городу коэффициенте смертности 50–60 на 1000, смертность у евреев составляла 10–15%¹⁰⁰.

Темпы прироста еврейского населения были связаны не столько с высокой рождаемостью, сколько с низкой смертностью. Как отмечает О.С. Ульянова, «...еврейское население давало прирост даже тогда, когда в целом по Томску наблюдалась убыль населения... Если коэффициенты рождаемости всего населения и еврейского в том числе были высокими и составляли в среднем в период с 1864 по 1897 гг. 48,1 и 59,8 соответственно, то коэффициент смертности за тот же период среди евреев был ниже – 32,9 против 51,6 среди всего населения Томска»¹⁰¹.

В.В. Шиллер отмечает, что в силу высоких темпов рождаемости и, как следствие, многодетности еврейских семей, существовал значительный возрастной разрыв между первым и последним ребенком, достигавший в отдельных случаях (если отец во второй раз женился) 35 лет. В результате складывалась парадоксальная ситуация, когда племянники зачастую оказывались старше по возрасту своих дядей и тетей¹⁰².

⁹⁹ См.: Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2002. С. 376.

¹⁰⁰ Кальмина Л.В. Еврейская семья... С. 149.

¹⁰¹ Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни города Томска (вторая половина XIX – 20-е гг. XX столетия). Томск, 2010. С. 35.

¹⁰² Шиллер В.В. Евреи г. Мариинска Томской губернии в конце XIX – начале XX вв.: проблемы генеалогических реконструкций // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. VI регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Барнаул, 2005. С. 54.

Характерно, что у евреев уровень внебрачных рождений был очень низок. Так, в Томске в 1864 г. из 971 детей, родившихся в семьях православных, 62, или 6,4%, были незаконнорожденными, а из 132 неправославных новорожденных (в большинстве своем иудеев) не было ни одного внебрачного ребенка¹⁰³. Смертность более тесно, чем рождаемость, связана с социальными факторами – уровнем благосостояния населения, санитарным состоянием населенных пунктов, развитием сети медицинских учреждений и т.п.

Несмотря на сокращение, по сравнению с серединой XIX в., уровень детской смертности в Сибири в начале прошлого столетия оставался еще очень высоким. В Тобольской губ., согласно данным 1902–1903 гг., среди всех умерших 54,3% составляли младенцы в возрасте до 1 года, к ним примыкали еще 14,8% детей в возрасте 1–5 лет¹⁰⁴. В 1910 г. в Томске на 100 родившихся приходилось умерших в возрасте до 1 года – 30,7, в то время как в Москве – 33,1, Петербурге – 26,1, Одессе – 24,1¹⁰⁵. Уровень же смертности среди евреев был значительно ниже.

В Сибири, как и в России в целом, вплоть до начала XX в. сохранялась глубоко архаичная структура причин смертности, которая формировалась под решающим воздействием внешних факторов среды, мало зависящих от возраста, и обуславливала высокую смертность в детских и молодых возрастах. Еще не стали достаточно зрелыми экономические, социальные, культурные и ментальные предпосылки перехода к новому, «экономному» типу смертности, когда она в большей степени оказывается результатом действия внутренних факторов, порождаемых естественным развитием и старением человеческого организма¹⁰⁶.

Существенное сокращение смертности в среде городского населения Сибири можно признать одним из симптомов на-

¹⁰³ Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872. С. 27.

¹⁰⁴ Население Западной Сибири... С. 68.

¹⁰⁵ Гречищев К.М. Общественное здоровье // Город Томск. Томск, 1912. С. 66.

¹⁰⁶ Зверев В.А. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 132.

чинавшегося демографического перехода. В результате этого в 1910–1914 гг. впервые смертность в городах региона оказалась ниже, чем в сельской местности. При этом необходимо отметить, что проявления демографического перехода в области смертности наметились позже и проявились слабее, чем в европейской части страны. Евреи же опережали средние демографические показатели на 30–50 лет.

Семья сибирских евреев значительно отличалась от семей представителей других конфессий. В середине XIX в. по всей Сибири еврейские семьи были более крупными, чем у православных. В 1860–1870-х гг. средняя численность семьи православных в городах Западной Сибири составляла 5–6 чел., а у евреев доходила до 9–10 чел. Нередкими были и семьи, достигавшие 30 чел. и более (см. приложение 2). Например, в 1866 г. в Томске средний размер семей православных купцов равнялся 4,2 чел. на семью, а размеры еврейской купеческой семьи в тот же год были более чем в 2 раза выше – 8,8 чел. В 1877 г. данные показатели соотносились как 4,3 чел. и 7,1 чел., в 1887 г. – соответственно 4,7 и 5,4 чел., в 1899 г. – 4,6 и 5,5, и в 1904 г. – 4,6 чел. в православных семьях и 6,0 в семьях иудеев¹⁰⁷.

По данным сохранившегося в фонде Тобольской мещанской управы посемейного списка евреев, причисленных к мещанскому обществу за 1874 г., в 87 семьях тобольских евреев-мещан числилось 524 чел., т.е. в среднем на семью 6,0 чел., в то время как среди русских мещан города в 1875 г. средняя людность семьи составляла 4,5 чел.¹⁰⁸

Данные переписи 1897 г. позволяют также охарактеризовать демографические особенности еврейской семьи в регионе. Так, холостые и девицы составляли у евреев 58,1%, у русских – 52,9%; состоящие в браке – соответственно 37,1% и 41,4%, вдовы – 4,5% и 5,6%. Доля разведенных у евреев была в несколько раз больше, чем у русских, – 0,25% против 0,06%¹⁰⁹,

¹⁰⁷ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. С. 120.

¹⁰⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 54.

¹⁰⁹ Первая всеобщая перепись... Т. 79. С. 132.

что объяснялось большей легкостью процедуры развода, чем у православных¹¹⁰.

Перепись оценивала также состояние здоровья населения по таким показателям, как число слепых, глухонемых, немых и умалишенных. В итоге оказалось, что евреи менее, чем другие национальности были подвержены физическим недостаткам. Так, в Томской губ. из расчета на 10 тыс. жителей было лишь 18,39 слепых, 3,94 глухонемых и 1,31 немых. Однако число умалишенных среди евреев было достаточно велико: 13,14 в расчете на 10 тыс. жителей¹¹¹.

Значительное превышение средней людности семьи евреев над аналогичным показателем по семье православных свидетельствует о том, что в еврейских семьях патриархальные семейные традиции играли большую роль, чем в семьях русских. В еврейских семьях традиционно насчитывалось больше детей: обычно не меньше 4–5 против 2–3 в семьях русских. Кроме того, взрослые еврейские дети позже отделялись от отцовских семей, чем русские. Сыновья евреев, даже женившись, более продолжительное время оставались в семье родителей. Все эти традиции и определили большую среднюю людность в еврейских семьях Сибири.

Тем не менее, необходимо отметить, что с течением времени разница в средней людности еврейских и русских семей сокращалась. Так, если в 1860–1870-х гг. семьи иудеев были в среднем больше семей православных примерно в 2 раза (на 3–4 чел.), то в конце XIX – начале XX в. разница уже составляла 1–1,5 чел. на семью. Процесс сглаживания различий в средней людности еврейских и русских семей был вызван, по-видимому, сближением образа жизни представителей столь разных конфессиональных групп, а также общими демографическими процессами распада сложных семей и разложения традиций патриархального семейного быта, которые, безусловно, действовали и в семьях сибирских евреев.

¹¹⁰ См.: Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 142–143.

¹¹¹ Галашова Н.Б. Социально-демографическая характеристика томских евреев по данным переписи населения 1897 г. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. IV регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Биробиджан, 2003. С. 124.

Снижение рождаемости в семьях сибирских евреев, особенно заметное среди горожан в начале XX в. является следствием действия ряда факторов, таких, как вовлечение женщин в общественное производство, более позднее вступление в брак, появление контроля над рождаемостью. В результате, по мнению О.С. Ульяновой наблюдается сокращение разницы в темпах прироста еврейского населения и всего населения Томска. Так, в 1910 г. «прирост еврейского населения в городе составил +8,8, а всего населения +8,0»¹¹².

На рубеже XIX–XX вв. возраст вступления в брак у евреев был в среднем на 3–4 года выше, чем у православных, брачность (количество браков на 1000 чел.) – несколько ниже, а доля разведенных значительно выше; общая и особенно младенческая смертность находились на существенно более низком уровне (соответственно 263 и 116 смертей на 1000 новорожденных)¹¹³.

Различия в образе жизни, традициях, менталитете различных групп сибирского населения предопределили значительную сословную и национально-конфессиональную вариативность структурно-количественных и брачно-возрастных особенностей городской семьи. В то же время в начале XX в. в городах все большее значение приобретают новые социальные и профессиональные группы – такие, как пролетариат и интеллигенция, в среде которых формируются новые традиции, не связанные со старыми сословными и религиозными ценностями, что отражалось и в брачно-семейной сфере¹¹⁴.

Таким образом, к середине XIX в. завершается формирование еврейских общин в Западной Сибири. Становление постоянного еврейского населения способствовало формированию оптимальной половой структуры. Уровень демографических коэффициентов говорит о том, что еврейская семья во второй половине XIX в. осуществила быстрый переход от традиционной к рациональной модели демографического поведения и воспроизводства населения. Этот переход у евреев начинается раньше и протекает интенсивнее, чем у большинства населения региона.

¹¹² Ульянова О.С. Еврейское население... С. 36.

¹¹³ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 206–208.

¹¹⁴ Гончаров Ю.М. Городская семья... С. 135–208.

***Конфликтность в среде старожилов,
«инородцев» и новоселов Азиатской России
в конце XIX – начале XX в.:
социокультурный аспект***

Галина Алишина¹¹⁵

Конец XIX в. стал для Азиатской части Российской империи знаменательным этапом. После отмены крепостного права в Европейской России все большую остроту приобретала проблема аграрного перенаселения, приводившая к недостаточной обеспеченности крестьян землей и, следовательно, их обнищанию. Чтобы недовольство крестьян не достигло крайней степени, властям было необходимо переместить «лишнее население» на незанятые земли. В этом смысле обширная и малозаселенная Азиатская Россия подходила идеально. Еще одним фактором, повлиявшим на массовое крестьянское переселение за Урал, стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Хотя это был, прежде всего, стратегически важный проект, нацеленный на решение внешнеполитических задач, для оправдания произведенных затрат требовалась эксплуатация магистрали гражданским населением, а, значит, требовались люди, которые бы этой дорогой пользовались. Таким образом, появление Транссиба заставило государственную власть иначе взглянуть на процесс заселения Зауралья и одновременно позволило значительно его активизировать. Совокупность этих основных факторов в итоге привела к широкомасштабной внутренней миграции крестьян из Европейской части России за Урал.

Крестьянское переселение в Азиатскую Россию в конце XIX – начале XX вв. сыграло заметную роль в истории развития страны и всегда вызывало исследовательский интерес у ученых. Изучать этот миграционный процесс начали еще его современники¹¹⁶. В

¹¹⁵ Алишина Галина Николаевна, ассистент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета.

¹¹⁶ Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894; Он же. Община и успехи сельского хозяйства в Сибири. СПб., 1894; Он же. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных

советский период изучением колонизации Азиатской России занимался целый ряд исследователей¹¹⁷. Не умаляя вклада этих ученых, можно, тем не менее, отметить, что в своих работах они в основном касались экономической стороны крестьянского переселения за Урал. В результате одна из ключевых проблем любого миграционного процесса – проблема адаптации – была изучена односторонне, природно-географический и хозяйственный аспекты получили большее освещение в научной литературе.

Лишь в последнее время научное сообщество обратилось к исследованию социокультурной составляющей адаптационного процесса в различных аспектах. Современными учеными рассмотрены вопросы роли и значения государственной политики в переселенческом движении за Урал в конце XIX – начале XX вв., выявлены основные факторы миграционной мобильности и адаптации переселенцев, затронуты проблемы взаимоотношений различных групп местного и пришлого населения и проч¹¹⁸. Не осталась обойденной вниманием и проблема

землях Томской губернии. СПб., 1896; Он же. Сибирское переселение на исходе XIX века. Историко-статистический очерк. СПб., 1901; Он же. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Омск, 1900; Кузнецов В. Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край // Вопросы колонизации. СПб., 1908. Вып. 2. С. 69–83.

¹¹⁷ Тюкавкин В.Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века. Иркутск, 1961; Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Степнин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, 1976; Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). М., 1978.

¹¹⁸ Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005; Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири. Новосибирск, 2006; Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006; Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск,

конфликтности во взаимоотношениях между переселенцами и старожилами, а также между переселенцами и «инородцами». Однако в большинстве работ на эту тему повышенная конфликтность объясняется сугубо экономическими причинами (истощением земельного фонда Азиатской России или конкуренцией за другие хозяйственные ресурсы). Автор данной статьи, не отвергая выводы предшественников, предлагает скорректировать их посредством обращения к наработкам психологической науки, также давно и плодотворно изучающей проблему адаптации мигрантов в принимающем обществе.

Следует оговориться, что успешность переселения зависела от комплекса факторов. Огромную роль играли природно-географические условия, в которых оказывались переселенцы, достаточность материальных ресурсов, имеющихся в наличии у новоселов, степень хозяйственного освоения местности, куда селились мигранты, наличие и развитость путей сообщения, что в условиях обширной территории приобретало особое значение, и т.д. Однако не только это оказывало влияние на успешность адаптации переселенцев из Европейской России. Зауралье было хоть и малозаселенным, но далеко не безлюдным регионом, и мигранты не могли игнорировать уже имевшееся местное население. Проживавшие в Азиатской России коренные жители («инородцы») и ранее переселившиеся за Урал крестьяне – старожилы – составляли сибирский социум и мыслили себя сообществом, отличным от выходцев из Европейской России. Например, старожилы (хотя сами некогда пришли в Азиатскую часть России из-за Урала) четко отделяли себя от переселенцев, которых презрительно величали «российскими лапотниками», принесшими «российские порядки» в размеренную «сибирскую жизнь»¹¹⁹. В итоге новоселам, которые к тому же сами не отличались однородностью состава¹²⁰, приходилось в той или иной

2007; Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск, 2008.

¹¹⁹ Сибирская жизнь. 1899. 5 мая.

¹²⁰ В числе переселенцев того периода были, в частности, выходцы из различных частей Европейской России, представители разных национальностей, приверженцы разнообразных вероисповеданий и т.д.

степени входить в принимающее сибирское и дальневосточное общество и осуществлять взаимодействие как со старожилами, так и с «инородцами». Процесс вхождения мигрантов, относящихся к различным этническим группам, в принимающее общество, также этнически неоднородное, мог протекать по различным сценариям, которые вполне укладываются в классификацию стратегий аккультурации, предложенную в 60-х гг. XX в. канадским психологом Дж. Берри¹²¹: 1) ассимиляция; 2) сепаратизм (сегрегация); 3) маргинализация; 4) интеграция.

Наиболее успешной стратегией как на индивидуальном и групповом уровнях, так и на уровне общества признается интеграция¹²² как путь к построению мультикультурного общества. Однако на пути к интеграции мигрантов и местных жителей возникает множество препятствий. Реализация этой стратегии может существенно затрудниться при наличии значительной культурной дистанции (отчетливости таких различительных признаков как раса, язык, религия и т.д.) между входящей и принимающей стороной.

Немалую роль в выборе переселенцами того или иного варианта вхождения в принимающее общество играл характер взаимоотношений между «гостями» и «хозяевами». Поскольку не все стратегии считаются эффективными, то от взаимоотношений новоселов и местного населения во многом зависел исход адаптационного процесса: органичное сосуществование, растворение, изоляция или же полное фиаско, то есть возвращение назад. Различные исторические источники содержат информацию о том, что для взаимодействия новоселов и местных жителей в Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. в числе прочего была характерна конфликтность, то есть агрессивно-оборонительный стиль поведения. Это можно оценить как закономерное явление, поскольку даже при благоприятных условиях адаптация – трудный, стрессогенный процесс¹²³. Стресс является последствием травмы. В роли травматического события выступает сама миграция, и, как любая психологическая травма, она имеет определенные

¹²¹ Подробнее об этом: Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис личности. М., 2002. С. 143–145.

¹²² Там же. С. 145.

¹²³ Там же. С. 128.

психологические последствия. В частности, вызывает изменения в поведении, например, повышается конфликтность, наблюдаются изоляция, отчужденность, постоянное недоверие и т.д.¹²⁴ Таким образом, повышение конфликтности в результате миграции закономерно и вызывается не только «внешними причинами», но и стрессогенностью ситуации, в которой оказывается любой мигрант. Следует также отметить, что частые конфликты между пришедшим и местным населением могут повлиять на выбор адаптационной стратегии, минимизируя вероятность интеграции, как наиболее предпочтительного варианта.

В этой связи объектом данного исследования является население Азиатской России в конце XIX – начале XX вв. Предметом – взаимоотношения таких групп этого населения, как переселенцы, старожилы и «инородцы». Задача работы заключается в рассмотрении составляющей этих взаимоотношений – конфликтности – посредством привлечения наработок психологической науки. Автор статьи полагает, что такой подход к данной проблеме позволит дополнить и скорректировать представления о причинах конфликтов между переселенцами и местными жителями в Азиатской России в конце XIX – начале XX вв.

Обращаясь к опыту колонизации Зауралья, можно утверждать, что зачастую в основе конфликтов между новоселами и местными жителями лежало столкновение их хозяйственных интересов. Это наблюдалось у переселенцев как в случае взаимодействия со старожилами, так и в отношениях с «инородцами». Старожилы и новоселы довольно быстро обнаружили взаимные претензии. Крестьяне-сибиряки жаловались на наглость переселенцев¹²⁵, их отказ нести внутриобщинные повинности¹²⁶. Местные власти и общественность подтверждали, что со стороны мигрантов наблюдается «неуважение к чужой собственности»¹²⁷, которое выражалось в самовольном захвате земель местных жителей¹²⁸. Раздражал старожилов и факт пере-

¹²⁴ Там же. С. 30.

¹²⁵ Сибирская жизнь. 1909. 21 октября.

¹²⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 61; Сибирская жизнь. 1903. 13 декабря.

¹²⁷ Сибирская жизнь. 1906. 24 сентября.

¹²⁸ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 61.

дачи новоселам угодий, которыми они привыкли пользоваться сами¹²⁹. Однако местные жители и местные власти тоже не всегда отличались гостеприимством. Современники отмечали, что они «допускают по отношению переселенцев всевозможные насилия и самоуправство: выселяют переселенцев из деревень ... отбирают распаханнные и засеянные земли ... земледельческие орудия; разламывают постройки, печи, окна в домах, наконец, воспрещают общественникам держать переселенцев на квартирах, вынуждая их с малолетними детьми и престарелыми больными жить под открытым небом и т.п.»¹³⁰.

Решить сейчас, кто в подобных конфликтах выступал в роли агрессора, а кто оборонялся, довольно трудно. Однако можно отметить, что острота конфликтов заметно возрастала, если дело касалось неприписных переселенцев. Нелегальность их пребывания на землях сибиряков еще более усугубляла и без того непростые отношения между старо- и новоселами. Для местных жителей это служило дополнительным раздражающим фактором, а у переселенцев провоцировало очередной стресс. Ситуация неопределенности (когда новоселы зачастую числились временно проживающими в старожильческих селениях «без обычных общественных и сельскохозяйственных прав»¹³¹ или же просто «повисали в воздухе» по причине отсутствия свободной земли поблизости и недостаточности средств для переезда в другую местность) толкала их на крайние меры, что еще больше обостряло отношения со старожилками. В качестве примера можно привести неприписных переселенцев Омского уезда, о которых сообщалось в «Сибирской жизни», что положение их «особенно ухудшилось ... Земельных свободных участков близко нет, а для того, чтобы отправится на юг Акмолинского уезда, где они имеются, – денег нет. Положение безвыходное, и отношения между старопоселенцами и пришельцами сильно обостряются. Крестьянские начальники доносят, что если не бу-

¹²⁹ В «Сибирской жизни» от 15 марта 1914 г., в частности, описано столкновение из-за леса, который отвели переселенцам, но старожилы продолжали считать его своим. В итоге несколько человек получили тяжелые ранения.

¹³⁰ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 1.

¹³¹ Сибирская жизнь. 1906. 2 мая.

дут эти пришельцы выселены мерами уездной полиции, то дело может окончиться очень худо»¹³².

«Территорией риска» в этом смысле оказался Алтайский округ, где проблема с неприписными переселенцами стояла особенно остро. Это своеобразное административно-территориальное образование даже современники называли государством в государстве¹³³. Особое положение и особое управление этой местностью, которое осуществлял Кабинет Его Императорского Величества, заметно влияли на организацию там переселенческого дела, причем не в лучшую сторону. В частности, отмечалось, что никаких работ в этом направлении (гидротехнических, по образованию переселенческих участков и проч.) там не велось, а само переселение было с 1897 г. вообще воспрещено¹³⁴. Однако природные богатства этого края, несмотря на все запреты, ежегодно привлекали сюда тысячи самовольных переселенцев (к 1906 г. на Алтае их насчитывали около 150 тыс. чел.¹³⁵). На примере Алтайского округа видно, что из-за неверных действий или бездействия властей складывалась ситуация, когда старожилы и новоселы вынуждены были конкурировать друг с другом в борьбе за необходимый для хозяйственной деятельности ресурс – землю. Это служило фактором повышения конфликтности в отношениях между ними.

По схожим причинам возникали конфликты между переселенцами и «инородцами». В степных областях Азиатской России столкнулись их экономические интересы. Степные «инородцы», ведущие кочевой образ жизни, привыкли к простору, а переселенческие поселки стали их стеснять¹³⁶. Точно также из-за неупорядоченности земельных отношений и отсутствия землеустройства большинство крестьянских и «инородческих» селений были втянуты в земельные споры¹³⁷. Наряду с общими чертами, во взаимоотношениях переселенцев с «инородцами» была и не-

¹³² Там же. 24 сентября.

¹³³ Там же. 2 мая.

¹³⁴ Там же. 1903. 29 октября.

¹³⁵ Там же. 1906. 2 мая.

¹³⁶ Там же. 1900. 20 апреля.

¹³⁷ Ноздрин Г.А. Взаимоотношения переселенцев с аборигенным населением Сибири как фактор адаптации // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах. Новосибирск, 2008. С. 61.

которая специфика. Заключалась она в очевидности различительных признаков и, следовательно, большей культурной дистанции. В результате у обеих сторон, осуществлявших взаимодействие, формировалось четкое противопоставление «мы – они», «свои – чужие». У некоторых переселенцев даже отмечали презрительное отношение к «инородцам»: «русские смотрели на аборигенов как на нехристей, азиатов, орду»¹³⁸. Безусловно, все это еще более осложняло отношения между переселенцами и местными жителями, и конфликты в их среде приобретали «кровавый оттенок». Именно так произошло на тургайской ярмарке, когда стычка между «инородцами» и русскими переселенцами привела к человеческим жертвам¹³⁹. При выяснении взаимоотношений практиковались вооруженные столкновения, поджоги и разрушения жилищ, потравы посевов и проч.¹⁴⁰

Любопытно, что «киргизы» конфликтовали не только с русскими. Случались недоразумения и с представителями других национальностей. Например, вооруженное столкновение произошло между немцами из села Николаевки Александровской волости Омского уезда (хотя немцев традиционно считали самым законопослушным переселенческим элементом) и «киргизами» аула № 2 Омской волости того же уезда¹⁴¹. Инцидент произошел из-за того, что табун рогатого скота, принадлежащий казахам, по недосмотру пастухов забрался на засеянные пшеницей поля, принадлежащие колонистам, и совершил потраву. Немецкие колонисты, узнав об этом, захватили табун и угнали его себе в деревню. В ответ казахи в количестве 30 человек произвели атаку на селение колонистов с целью отбить угнанный скот¹⁴².

Этот случай представляет особый интерес в плане определения взаимовлияний между колонистами и их соседями-инородцами. Дело в том, что практика угона чужого скота или «барымта» являлась нормой обычного права у кочевых народов (казахов, башкир, калмыков) и не считалась кражей. «Барымту» применяли, если противоположная сторона долго тянула с вы-

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Сибирская жизнь. 1908. 31 июля.

¹⁴⁰ Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 62.

¹⁴¹ Сибирская жизнь. 1906. 27 июля.

¹⁴² Там же.

платой штрафа, использовали как месть или как форму экономической компенсации за понесенные потери¹⁴³. В XIX в. «барымта» была частым явлением в казахских степях. В описанном случае «барымту» осуществили немецкие колонисты в отместку за потравленные посевы, то есть вопреки распространенному мнению о «цивилизаторской роли» европейцев в Азии, в истории есть примеры влияния и в обратном направлении.

Как видно из приведенных примеров, «градус конфликтности» во взаимоотношениях между переселенцами и «инородцами» был выше, чем при взаимодействии новоселов со старожилами. Возможное объяснение этому, как уже было отмечено, кроется в большей культурной дистанции. Интересно другое: повышенная острота конфликтов влекла за собой более серьезные последствия. Мигранты не только склонялись к не самым эффективным адаптационным стратегиям, но часто признавали свое «поражение» и возвращались туда, откуда пришли, пополняя ряды обратных переселенцев. Как отмечает в своей работе Г.А. Ноздрин, «жестокое сопротивление инородцев являлось одной из причин, сдерживающих адаптацию переселенцев»¹⁴⁴.

В завершение хотелось бы отметить, что недостаточность ресурсов и вызванная этим конкуренция были хоть и очень распространенными, но далеко не единственными причинами конфликтов между переселенцами и местными жителями. Показательным в этом смысле является случай, произошедший в Приамурском крае. Новосел-малоросс обосновался в селении, где проживали староверы. Местным жителям это явно не понравилось, и они потребовали его удаления. Когда же новосел отказался, они в качестве намека на нежелательность его дальнейшего пребывания в их поселке забрались к нему в дом и разобрали печь, без которой было весьма проблематично прожить зимой. Однако «хохол» оказался упрямым. Немного погоревав, он отстроил новую печь, но ее ждала участь предыду-

¹⁴³ Хуббитдинова Н.А. Художественное отражение обычая «барымта» в повести «Абдряш» П.М. Кудряшева (к проблеме русско-башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №13 (151). Вып. 31. С.136-137.

¹⁴⁴ Ноздрин Г.А. Указ. соч. С. 63.

щей¹⁴⁵. Примечательно, что в изложении этой почти комичной истории не указывалось никаких конкретных претензий старожилов к новоселу. Предполагалось, что читатель поймет суть конфликта, узнав, что дело было в селении староверов. Научные исследования подтверждают, что расхождения в религиозных взглядах зачастую становились непреодолимым мировоззренческим барьером на пути вхождения переселенца в принимающее сибирское и дальневосточное общество¹⁴⁶. Современники же отмечали, что раскольники относились к православным весьма недружелюбно¹⁴⁷. Причиной такого отношения и, соответственно, конфликтов становились уже не столкнувшиеся хозяйственные интересы, а остро ощущаемые культурные различия.

Таким образом, к числу факторов, повышавших уровень конфликтности и, соответственно, затруднявших интеграцию мигрантов в принимающее общество в Азиатской России в конце XIX – начале XX в., можно отнести: 1) пересечение хозяйственных интересов, когда местные жители и новоселы были вынуждены претендовать на один и тот же ресурс, необходимый для обеспечения их жизнедеятельности; 2) отсутствие, недостаточность или несвоевременность действий, направленных на организацию переселения; 3) наличие осознанной «культурной дистанции» между мигрантами и местными жителями; 4) отсутствие достаточной психологической готовности к переселению как у мигрантов, так и у принимающего общества. По мнению автора, именно совокупность этих факторов влияла на повышение конфликтности в среде новоселов и местного населения. Не только «внешние причины», но и внутренние психологические процессы, запущенные переживаемым из-за миграции стрессом, влияли на поведение переселенцев, старожилов и «инородцев». Отсюда следует вывод, что учет особенностей поведения мигрантов и принимающего общества, изучаемых психологической наукой, позволяет расширить и скорректировать представления историков о переселении за Урал в конце XIX – начале XX вв.

¹⁴⁵ Сибирская жизнь. 1903. 23 февраля.

¹⁴⁶ Чуркин М.К. Указ. соч. С. 287.

¹⁴⁷ Там же. С. 288.

***«...Для пограничных сношений и заведывания пограничными делами в этом крае»:
должность южно-уссурийского пограничного комиссара в конце XIX в.***

Татьяна Сорокина¹⁴⁸

Высочайшее утверждение мнения Государственного совета об учреждении Южно-Уссурийского пограничного комиссариата «для пограничных сношений и заведывания пограничными делами в этом крае» состоялось 12 ноября 1869 г.¹⁴⁹, то есть спустя почти десятилетие после перехода Приморья к России по Пекинскому договору 1860 г. Занятие этого края русскими сразу после заключения трактата фактически выразилось в размещении в некоторых наиболее важных стратегических пунктах небольших военных отрядов и устройстве пограничных караулов. На первых порах пограничные отношения с Китаем были, как писал военный губернатор Приморской области генерал-майор И.Г. Баранов, «весьма в то время не сложные», так как пограничная полоса на много верст по обе стороны границы была пустынна, цинское правительство не предпринимало никаких мер к заселению территорий примыкавшей к Южно-Уссурийскому краю Гиринской провинции, «дабы не ввести нас в соблазн и не входить с нами в общение, как с опасным и сильным соседом»¹⁵⁰. Постепенное освоение края русскими людьми приводило к приливу значительного числа мигрантов из соседних государств – рабочих, промысловиков, торговцев из Китая, а также беглецов из Кореи, вынужденных спасаться в России «от ужасов междуусобия, взволновавшего их отечество». В силу этого, по мере раз-

¹⁴⁸ Сорокина Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского.

¹⁴⁹ Записка о представительстве России на границе Приморской области с Манчжурией, составленная военным губернатором Приморской области И.Г. Барановым // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск, 1884. Т. VIII. Ч. II. С. 2. (Здесь и далее в цитатах сохраняется орфография источника).

¹⁵⁰ Там же. С. 1.

вития весьма оживленных пограничных отношений с Китаем, и, отчасти, с Кореей, все более стала ощущаться и потребность в особом пограничном чиновнике.

Непосредственным же поводом к учреждению новой должности послужила так называемая «манзовская война» 1868 г. – беспорядки на границе, связанные с запрещением заниматься золотым промыслом без разрешения русских властей. «Манзовская война» заставила русское правительство принять срочные меры по укреплению границ в Приморской области. Так, уже весной 1869 г. была сформирована Уссурийская конная сотня для охраны наиболее доступной части государственной границы. Тогда же вся пограничная линия была разбита на четыре участка под командованием особых офицеров, а каждый участок, в свою очередь, был разделен на отдельные урядничьи посты. Всего было учреждено 18 таких постов на всем протяжении почти пятисотверстной линии от устья Тюмень-Улы до Турьего Рога¹⁵¹. Беспорядки 1868 г., смутившие Южно-Уссурийский край, привели к упадку с таким трудом завязавшейся было торговли с Маньчжурией. В процессе улаживания отношений с китайской стороной выявилась необходимость в учреждении органа, который бы ведал пограничными делами, вел переговоры с местными китайскими властями, регулировал взаимоотношения порубежных жителей, улаживая, в случае необходимости, споры и конфликты между ними и пр. Все это и породило идею создания Управления пограничного комиссара, круг действий которого первоначально был определен тремя главными целями: «восстановить и упрочить торговые сношения с Маньчжурией, завести по возможности таковые с Кореею и добиться от китайских пограничных властей должного с их стороны охраны границ от перехода к нам бродяг и злонамеренных людей»¹⁵².

Местопребыванием комиссарства было решено назначить пункт у залива Посьет, а какой именно, оставили на усмотрение

¹⁵¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 394. Оп. 1. Д. 47. Л. 40.

¹⁵² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 33. Л. 3. (Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова от 30 июля 1871 г. – директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову)

генерал-губернатора Восточной Сибири (такowymi были в разное время пост Новгородский и урочище Новокиевское). Штат Управления должен был состоять, кроме самого комиссара, еще из двух переводчиков – китайского и корейского языков. По штатному расписанию пограничному комиссару присваивалась должность VI класса, годовое содержание определялось в 2000 руб. (1000 руб. жалованья и 1000 руб. столовых) и 1200 руб. на «пограничные и канцелярские расходы». Должности переводчиков были X класса, содержание же их в год составляло 1000 руб. (500 руб. жалованье и 500 руб. столовых) для переводчика китайского языка и в два раза меньше (250 жалованья и 250 руб. столовых) для переводчика корейского языка. Итого годовое содержание пограничного комиссарства, состоящего из трех человек, должно было обходиться казне в 4700 руб.¹⁵³

Пограничный комиссар, с одной стороны, должен был подчиняться непосредственно военному губернатору Приморской области, при этом, одновременно, по дипломатическим вопросам, он имел право «входить с представлениями» к генерал-губернатору Восточной Сибири. Обязанности комиссара определялись особой инструкцией генерал-губернатора, причем она составлялась «по предварительному соглашению» с министром иностранных дел, поэтому была подписана этими двумя высокопоставленными чиновниками. По инструкции 1869 г. на уссурийского комиссара возлагались «сношения с Китайскими властями по разным пограничным делам, соби́рание статистических сведений о соседних китайских землях, наблюдение за не провозом контрабанды и выдача и визировка заграничных билетов»¹⁵⁴. Назначал на должность пограничного комиссара и, соответственно, отстранял ее генерал-губернатор, а состоящих при нем переводчиков – военный губернатор Приморской области.

На основе этих положений пограничное комиссарство без каких-либо изменений просуществовало до начала 80-х гг. XIX

¹⁵³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 33. Л. 9. (Штат Управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае, Высочайше утвержденный 12 ноября 1869 г.).

¹⁵⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 140. Л. 8. (Доклад чиновника для дипломатической переписки при генерал-губернаторе Восточной Сибири от 27 октября 1879 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири).

в. Хотя уже через 2-3 года после открытия этого учреждения местная администрация осознала необходимость изменения условий деятельности пограничного комиссара. Причем это понимание на протяжении десятилетия эволюционировало от предложения удешевить содержание этого учреждения для казны в три с лишним раза (т. е. фактически ликвидировать его) до удорожания его более чем в два раза.

В результате урегулирования последствий «манзовской войны» положение в Южно-Уссурийском крае несколько изменилось: восстановилась торговля с Маньчжурией, была усилена охрана границы, по соглашению с цинскими пограничными властями были установлены правила перехода границы в русские пределы с китайской стороны. В то же время в отношении Кореи к 70-м гг. XIX в. в Иркутске пришли к убеждению, что «десятилетний опыт доказал бесплодность наших усилий войти с ней в какие бы то ни было сношения и упорное отчуждение ее Правительства от сближения с иностранными державами»¹⁵⁵. Эти обстоятельства предопределили изменение отношения восточно-сибирской администрации к пограничному комиссарству в Южно-Уссурийском крае. Генерал-губернатору Восточной Сибири генералу Н.П. Синельникову показалось более рациональным заменить Управление пограничного комиссара одним чиновником.

Непосредственным поводом для составления представления в МИД по этому вопросу послужили печальные события – пограничный комиссар Овандертяжело заболел («впал в умопомешательство»), исполнение его обязанностей временно были возложены на начальника Новгородского поста майора Маймаевского. Необходимость нового назначения предоставила генерал-губернатору, как он сам сообщил, «повод высказать несколько соображений, внушенным настоящим положением дел в Южно-Уссурийском крае». Соображения эти сводились к следующему: «Перемена в положении вещей изменила круг действий Пограничного Комиссара; ныне его дело ограничивается визировани-

¹⁵⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 33. Л. 3-4. (Представление генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова от 30 июля 1871 г. – директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову).

ем билетов приходящих к нам китайских подданных и изредка перепискою с пограничными маньчжурскими властями по торговым спорам между русскими и китайскими купцами. Вследствие этой малосложности занятий, я полагал бы вполне возможным и удобным заменить управление Пограничного Комиссара одним чиновником, со званием заведывающего пограничными делами в Южно-Уссурийском крае и с назначением ему в содержание 1000 руб. из штатных сумм Комиссарства и 500 руб. из того же источника, на наем переводчика и канцелярские расходы; остальные же по штату 3200 руб. отнести в доход казны»¹⁵⁶.

Очевидно, в Главном управлении посчитали, что «три главные цели», для решения которых учреждался пост пограничного комиссара, были либо достигнуты (в отношении Китая), либо пока не могут быть реализованы (в отношении Кореи). Возможно, предложение сэкономить для казны 3200 руб. сулило поощрение и расположение высшей власти. Спустя десять лет, когда военный губернатор Приморской области генерал-майор Баранов ходатайствовал о необходимости расширения и укрепления пограничного комиссарства, в своем представлении, упоминая предложение Синельникова начала 70-х гг., писал, что министерства иностранных и внутренних дел «решительно протестовали» против него. Что касается позиции Министерства внутренних дел, по чьему ведомству было учреждено комиссарство, возможно, это утверждение справедливо, хотя бы потому, что это предложение не было принято. А вот позиция МИДа была не столь однозначна, по крайней мере в 1871 г., поскольку директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов в своем ответе генералу Синельникову писал: «Вполне соглашаясь с высказанным Вами предположением об упразднении должности Пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае, долгом считаю однако присовокупить, что от Министерства Иностранных Дел не зависит входить в какие-либо распоряжения по сему предмету, так как означенная должность, согласно мнению Государственного Совета, высочайше утвержденному 12 ноября 1869 г., учреждена по ведомству Министерства Внутренних Дел». И далее, советуя генерал-губернатору обратиться с этим вопросом в МВД, заверил, что со стороны МИДа

¹⁵⁶ Там же. Л. 4.

он не встретит «препятствий к поддержанию ходатайства»¹⁵⁷. Такой ответ директора Азиатского департамента на «решительный протест» совсем не похож.

К началу 80-х гг. XIX в. изменившаяся ситуация заставила дальневосточную администрацию пересмотреть отношение к пограничному комиссарству в Южно-Уссурийском крае. Военный губернатор Приморской области Баранов изложил свои соображения на этот счет в записке генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину. Глава восточносибирской администрации, поддержав их, уже от своего имени отправил представление в Министерство внутренних дел, которое, в свою очередь, довело предложения о необходимости изменения положения Управления пограничного комиссара до высшей власти.

Из этих документов следует, что причины изменений были «весьма многообразны» и, прежде всего, к ним относились увеличение китайского населения в пределах России и перемена в отношениях России с Китаем и Кореей. Год от года увеличивавшаяся иммиграция китайцев в Южно-Уссурийский край, значительно возрастающая в летнее время за счет сезонных рабочих и промысловиков, приводила «к сильному оживлению» этой местности, развитию здесь торговли и «возникновению ежедневных между русским и китайским населением столкновений и недоразумений», разбором которых должен был заниматься пограничный комиссар, что вынуждало его «входить в частые сношения с пограничными властями»¹⁵⁸. По мере увеличения численности выходцев из соседних стран значительно возрастала деятельность пограничного комиссара по визированию паспортов китайских и корейских подданных, «свидетельствованию контрактов, торговых сделок, обязательств и проч.», заключаемых китайцами и корейцами с русскими. Усложнилось также наблюдение за пограничными заставами и скотопрогонными трактами из Маньчжурии и Кореи.

¹⁵⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 33. Л. 5. (Отношение директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова от 11 сентября 1871 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову)

¹⁵⁸ Представление МВД «Об изменении штатов Управления Пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае» от 16 апреля 1882 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточную Сибирью. Иркутск, 1884. Т. VIII. Ч. II. С. 39.

Кроме того, служебное положение пограничного комиссара оставляло желать лучшего. Как показал десятилетний опыт работы, двойственность подчинения пограничного комиссара генерал-губернатору и военному губернатору Приморской области крайне вредила делу. С одной стороны, областное начальство часто игнорировало пограничного комиссара, он не находил поддержки и содействия также и у других местных учреждений, его не ставили в известность о мероприятиях, проводимых областной администрацией, что порождало массу затруднений. С другой стороны, передача указаний генерал-губернатора по дипломатическим делам непосредственно пограничному комиссару, через голову губернатора области – главного ответственного лица в этом отдаленном крае – «ставили обоих их в самое неловкое и несоответственное положение».

Так, например, в 1879 г. пограничный комиссар Н.Г. Матюнин, по приказанию генерал-губернатора Восточной Сибири, занимался выселением китайцев-домохозяев из Ханкайского округа, чьи фанзы и поля находились в районе предполагаемых новых станиц, предназначенных для размещения частей Уссурийского батальона. Причем это приказание было передано ему в краткой телеграмме военного губернатора Приморской области без подробных инструкций. По окончании командировки он отправил в Иркутск генерал-губернатору донесение о проделанной работе, испрашивая одобрения своих действий и дальнейших инструкций. Все распоряжения по переселению казаков проходили по штабу Восточно-Сибирского военного округа, а выселение китайцев находилось в компетенции приморской администрации. Когда донесение пограничного комиссара дошло до Иркутска, разразился скандал – «имел ли право Г. Матюнин доносить и испрашивать утверждения сделанного распоряжения Генерал-Губернатору, помимо Губернатора Приморской области»¹⁵⁹. Началась переписка между начальником окружного штаба, чиновником для дипломатической переписки, генерал-губернатором, губернатором Приморской области и пограничным комиссаром, составившая целое дело дипломати-

¹⁵⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 140. Л. 7. (Представление начальника штаба Восточно-Сибирского военного округа от 23 октября 1879 г. – чиновнику для дипломатической переписки при генерал-губернаторе Восточной Сибири).

ческой канцелярии. Матюнину указали, что отдавать распоряжения «по переселению манз и водворению казаков не входит в круг его обязанностей». При этом напомнили, что, согласно инструкции, он может напрямую обращаться к генерал-губернатору только по дипломатическим делам, а поскольку «переселение манз есть местный административный вопрос, неимеющий никакого дипломатического характера», комиссар должен был со своим донесением обратиться к приморскому губернатору. В итоге Матюнин, всего лишь выполнявший предписание генерал-губернатора, вынужден был оправдываться тем, что переселение китайцев с насиженных мест могло вызвать протесты китайских властей, поэтому он считал себя вправе «утруждать внимание» генерал-губернатора¹⁶⁰.

Высшая региональная власть признавала, что «местный Военный Губернатор, имеющий по трактатам право непосредственных сношений с Гиринским Генерал-Губернатором, не может быть устранен от руководства действиями Пограничного Комиссара, а последний все указания по дипломатическим делам должен получать через главное Областное Начальство, поставляемое, в свою очередь, в полную известность об общем направлении нашей политики с Китаем, Кореєю и Япониею»¹⁶¹.

Инструкция для пограничного комиссара, по мнению Баранова, была составлена крайне неудовлетворительно и «многое, предписываемое ею, не могло быть исполняемо Пограничным Комиссаром по недостатку средств». Постоянные поездки за границу, разъезды вдоль нее, участвовавшие визиты китайских властей (а в будущем и корейских) требовали весьма серьезных расходов. Матюнин не раз сообщал начальству и в Хабаровск, и в Иркутск о необходимости иметь хоть сколько-нибудь достойное помещение для пограничного комиссарства. Так, еще в 1875 г. он писал чиновнику для дипломатической переписки Висленеву: «Я успел приобрести в глазах Фудутуна города Хунчуна некоторый авторитет, несмотря на то, что, как Вам, не сомневаюсь, известно по моим донесениям Его Высокопревосходительству, обстановка моя крайне бедна и не соответствует учреждению Пограничного Комиссарства. Рассчитывая на невозможность

¹⁶⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. Д. 140. Л. 13.

¹⁶¹ Представление МВД «Об изменении штатов Управления ...» С. 42-43.

пребывания в таком положении, когда заходила речь о помещении, о границе и т. п., я всегда старался дать понять Китайским властям, что существующая обстановка только временная и что скоро многое изменится к лучшему»¹⁶².

В своей записке приморский губернатор подробно описал «настоящее беспомощное состояние» пограничного комиссарства в материальном отношении: несмотря на безукоризненную службу, пограничный комиссар Матюнин «вследствие беспечности областного начальства» восемь лет не производился в следующий чин и в течение шести лет не получал никаких наград и поощрений. Проживая в урочище Новокиевском, где не было ни одного подходящего для его должности дома, «он был поставлен в необходимость слепить себе домишко», на который уходили все его сбережения в течение пяти лет¹⁶³. При существующем содержании комиссар едва мог свести концы с концами и вынужден был в ущерб делу уклоняться от частого общения с китайскими пограничными властями – их просто элементарно было негде принимать. При этом Баранов считал, что деятельность пограничного чиновника в Южно-Уссурийском крае «несравненно шире и ответственнее» деятельности российский консулов в японских и китайских портах и полагал справедливым изменить штаты комиссарства по образцу одного из этих консульств.

Предложения приморского губернатора, положенные в основу представления генерал-губернатора Восточной Сибири, а затем и проекта МВД, если говорить о самом главном, сводились к следующему: необходимо повысить служебное положение пограничного комиссара, предоставить ему большее материальное обеспечение и расширить штат его управления, чтобы «дать ему действительные средства к точному выполнению лежащих на нем чрезвычайно важных обязанностей»¹⁶⁴.

¹⁶² ГАИО.Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 40. Л. 18-19. (Донесение пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае от 22 января 1875 г. – чиновнику для дипломатической переписки при генерал-губернаторе Восточной Сибири).

¹⁶³ Записка о представительстве России... С. 3.

¹⁶⁴ Проект МВД «Об изменении штатов Управления Пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае» от 16 апреля 1882 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточную Сибирью. Иркутск, 1884. Т. VIII. Ч. II. С. 44.

Какие конкретные меры предлагались? Во-первых, перевести должность пограничного комиссара из VI класса в V, чтобы сделать службу более привлекательной и поднять ее престиж в глазах китайского правительства, все чаще присылавшего для ведения пограничных дел весьма высокопоставленных чиновников. Во-вторых, увеличить годовое содержание пограничного комиссара, назначив ему 1500 руб. жалованья и 1500 столовых, еще 1000 руб. на приемы иностранных гостей и подарки и 500 руб. на поездки, то есть всего 4500 руб. В-третьих, перевести должность переводчика китайского языка из X класса в VIII, увеличив содержание до 2000 руб. (1000 жалованье и 1000 столовых), ввести новую должность переводчика маньчжурского языка X класса с годовым содержанием в 1000 руб., а должности переводчика корейского языка тоже присвоить X класс, увеличив содержание до 800 руб. в год. Поскольку переводчики, состоя при пограничном комиссаре, не только занимались канцелярской работой, но и сопровождали начальника в разъездах, им предлагалось выделить определенные суммы на дорожные расходы (переводчику китайского языка 300 руб., а маньчжурского и корейского по 200 руб. каждому)¹⁶⁵. Всего по новому штатному проекту пограничное комиссарство должно было обходиться казне в 10 000 руб. Кроме того, около 36 000 руб. (по специальной смете) необходимо было выделить на постройку в урочище

¹⁶⁵ Проблема с переводчиками была одной из самых больных с момента учреждения должности пограничного комиссара. Н.Г. Матюнин неоднократно сообщал начальству о необходимости иметь в своем штате не только хорошего переводчика китайского языка, но и маньчжурского. Так, еще в 1874 г. он докладывал генерал-губернатору: «...Фудутун крайне затрудняется читать мои письма. Я пишу ему по русски и затем прилагаю китайский перевод. Действительно вряд ли может Фудутун понимать меня, потому что у него нет переводчика, а имеющийся в настоящее время у меня не в состоянии передавать точно мои мысли, тем более, что он с трудом говорит по русски. Сознавая совершенную необходимость иметь здесь не только двух переводчиков как полагается по штату, одного китайского, а другого корейского языков, но еще и переводчика маньчжурского, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство помочь мне выйдти из затруднительного положения и истребовать из Министерства Иностранных Дел хоть бы одного знающего переводчика китайского языка» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/3. Д. 40. Л. 10. Донесение пограничного комиссара от 21 марта 1874 г. – генерал-губернатору Восточной Сибири).

Новокиевском приличной резиденции для пограничного комиссара, в которой не стыдно было бы принимать иноземных гостей и удобно устроить служащих комиссарства.

Все эти предложения нашли отражение в проекте МВД «Об изменении штатов Управления Пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае», представленного на рассмотрение Государственного совета 16 апреля 1882 г. со следующим заключением министра внутренних дел генерал-адъютанта графа Н.П. Игнатъева: «Во внимание к тому, что пограничные сношения России в Южно-Уссурийском крае с Китайскими властями в настоящее время значительно усилились, я, с своей стороны, согласно с ходатайством Генерал-Губернатора Восточной Сибири, полагаю бы возможным: а) утвердить прилагаемый при сем новый проект штата управления Пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае; б) разрешить отпуск из Государственного Казначейства на постройку в Новокиевском посту подворья для Комиссарства, исчисленные по утвержденным Генерал-губернатором планам и сметам, тридцать пять тысяч семьсот двадцать три рубля шестьдесят семь коп. (35, 723 р. 67 к.), с тем, чтобы сумма эта была ассигнована по возможности в течение текущего лета, дабы возможно было в этом же году заготовить необходимые материалы и приступить к самим работам, и в) подчинить Пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае Военному Губернатору При-морской области и по делам дипломатическим, что поведет к большему единству действий России в сношениях с Китайцами и Корейцами.

Об этом имею честь представить на благоусмотрение Государственного Совета»¹⁶⁶.

Государственный совет все эти предложения одобрил без каких-либо изменений и 8 июня 1882 г. его мнение по проекту штата Управления пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае удостоилось Высочайшего утверждения.

Наконец, завершающим моментом в упорядочении положения южно-уссурийского пограничного комиссара в начале 80-х гг. XIX в. было составление для него программы годового отчета. Когда расходы на содержание комиссарства, в соответствии

¹⁶⁶ Проект МВД «Об изменении штатов Управления..... С. 50.

с новым штатным расписанием, были значительно увеличены, высшая администрация решила обратить более пристальное внимание на деятельность этого учреждения. Пересмотрев отчеты Матюнина начиная с 1874 г., генерал-губернатор Восточной Сибири Анучин убедился, что «все они поверхностны, крайне бедны содержанием и, заключая в себе отрывочные, хотя любопытные факты, не могут быть признаны отвечающими правительственным видам и тем средствам, которые оно тратит на содержание Пограничного Комиссара». Вместе с тем Анучин признавал, что Матюнин «хорошо ознакомлен с делом, усердно им занимается», т. е. генерал-губернатор не ставил под сомнение профессиональные качества комиссара, и, если отчеты неудовлетворительны, то только потому, что он не получил «должных руководящих указаний и ему не было, от высших властей, сообщено программ для доставления тех сведений, получение которых особенно важно и желательно»¹⁶⁷. Анучин приказал составить подробную программу для годовых отчетов пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае. Эта программа была препровождена губернатору Приморской области Баранову для передачи Матюнину с предложением составлять отчеты, начиная с 1883 г., «непрерывно по этой форме», стараясь выполнить программу каждого отдела «возможно полнее и добросовестнее».

Программа состояла из девяти отделов. Первый отдел касался личного состава и делопроизводства, в котором нужно было сообщать о местонахождении комиссарства, об изменении в штатах, давать финансовый и входящих и исходящих бумаг отчеты и пр. Во втором отделе речь шла об устройстве пограничной линии, о существующих мерах надзора за границей, о пограничных изменениях в китайских и корейских владениях (введении новых учреждений, устройстве поселений, городов, крепостей, расположении войск и пр.). Пограничный комиссар должен был давать подробный отчет о своих поездках внутри края и за границу, а также докладывать обо всех важных рас-

¹⁶⁷ Предложение генерал-губернатора от 12 сентября 1883 г. – военному губернатору Приморской области // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточную Сибирью. Иркутск, 1884. Т. VIII. Ч. II. С. 341-342.

поряжениях. Третий и четвертый отделы были посвящены пограничным отношениям, соответственно, с Китаем и Кореей, а пятый и шестой – торговле с этими же странами. При этом китайские разделы (III и V) были подробно расписаны по пунктам, а в корейских (IV и VI) просто значилось, что они должны быть составлены по той же системе, что и отделы по Китаю.

Третий отдел «Пограничные отношения с Китаем» состоял из семи пунктов, освещавших самые разные стороны взаимоотношений с китайскими подданными, а именно: 1) распределение китайского населения по Южно-Уссурийскому краю, его образ жизни («устройство быта»), основные занятия, настроения, степень подчиненности русской администрации и влияния на них китайских властей; 2) движение китайцев в пределы России, пути выхода, цель прихода, материальное положение («с какими средствами приходят»), какими документами снабжаются, какую пользу приносят краю («платят ли что в нашу казну или в пользу городов»); 3) обратное движение сезонных рабочих и промысловиков, а также постоянно проживавших в Южно-Уссурийском крае китайцев на родину, все случаи и условия приглашения рабочих артелей и пр.; 4) «особые случаи и происшествия среди населения, невызвавшие пограничные сношения», а также факты судимости китайцев по российским законам; 5) «особые случаи и происшествия среди населения, вызвавшие пограничные сношения», причем эти события должны быть описаны «обстоятельно» с изложением результатов; 6) переговоры с пограничными китайскими властями о выдаче преступников в Китай и из Китая, с указанием их числа; 7) все без исключения случаи встреч комиссара с пограничными китайскими властями как в России, так и в Китае с подробным изложением «поводов свиданий, что на них обсуждалось, чем решено».

В седьмом отделе («О заграничных билетах») должны были содержаться статистические сведения о паспортах, выдаваемых как выезжавшим за границу русским подданным, так и выходцам из Китая, приезжавшим в Россию, с указанием разницы в количестве билетов по сравнению с предыдущим годом. Здесь же комиссар мог представить свои соображения «о лучшем устройстве этого дела». В восьмом отделе комиссару предстоя-

ло не просто перечислить китайских и корейских пограничных чиновников («главнейших деятелей Китая и Кореи»), с которыми ему приходилось сталкиваться по роду службы, а «с подробною, по возможности, характеристикою их деятельности и личных качеств» и с указанием всех кадровых перестановок у соседних пограничных властей. Наконец, последняя, девятая часть программы называлась «Личные соображения Комиссара по предметам, не входящим в вышеприведенные отделы»¹⁶⁸. Анучин просил приморского губернатора передать Матюнину, что за все, что комиссар сочтет нужным добавить в последний раздел, он «будет признателен».

Именно в таком виде, оформившемся окончательно в начале 1880-х гг., пограничное комиссарство продолжило свое существование, послужив даже позднее образцом для должности пограничного комиссара в Амурской области, учрежденной по ходатайству приамурского генерал-губернатора СМ. Духовского «по примеру таковых же должностей, существующих в Южно-Уссурийском крае и на монгольской границе в Забайкалье»¹⁶⁹. Таким образом, судя по программе годового отчета, особенно по ее третьему разделу, Управление пограничного комиссара должно было стать основным учреждением, в ведении которого находились бы все вопросы, связанные с пребыванием выходцев из соседних азиатских государств в Южно-Уссурийском крае («главнейшие занятия», «устройство быта», «настроение» и т.п.), что выходило за круг собственно пограничных и дипломатических обязанностей. Поэтому на практике весьма сложно было четко разграничить компетенцию областной администрации (а с 1897 г. и чиновника по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе) и пограничного комиссара в отношении проживавших в Приморье китайцев и корейцев, что нередко приводило к недоразумениям.

¹⁶⁸ Программа годового отчета Пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск, 1884. Т. VIII. Ч. II. С. 343-347.

¹⁶⁹ Всеподданнейший отчет Приамурского Генерал-Губернатора Генерал-Лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1895. С. 27.

***События в китайском Дамысово
28 сентября 1929 года – трагическая страница
гражданского противостояния
красных и белых в Забайкалье***

Александр Тарасов¹⁷⁰

После крушения в 1920 г. белого движения в Забайкалье в приграничном Китае оказалась масса русских эмигрантов, которые осели на станциях западной ветки КВЖД и в русских поселениях Трехреченского районе Барги. Здесь они надеялись найти и находили не только работу и кров, но и привычный русский уклад жизни среди соотечественников. Среди них было много членов военных формирований Г.М.Семенова и Р.Ф. Унгерна. Они стали кадровой основой для большого числа русских военных организаций, которые вели активную борьбу с советской властью на левом русском берегу пограничной реки Аргунь¹⁷¹.

По целому ряду причин (географическое положение, значительная протяженность границ, относительно небольшая численность населения в приграничных с Китаем районах и непопулярность там советской власти, слабость местной китайской администрации и т.д.) белые командиры смогли не только сохранить свои подразделения, но и сразу же приступить к конкретным действиям против Советской России¹⁷². Как для большого числа русских китайского Приаргунья, так и для советской стороны это было продолжением Гражданской войны. По существу Приаргунье на протяжении тридцати с лишним лет, вплоть до конца второй мировой войны, оставалось театром гражданской войны, с её запредельной жестокостью всех сторон как нормой. Вот только некоторые события этих лет.

¹⁷⁰ Тарасов Александр Петрович – начальник информационно-аналитического отдела Законодательного Собрания Забайкальского края, г. Чита

¹⁷¹ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. С. 120-124.

¹⁷² Колпакиди А., Прохоров Д. КГБ: Приказано ликвидировать. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 61.

В 1922–24 гг. в Забайкалье неоднократно вторгались из-за кордона белые отряды. В мае 1924 года несколько сот кавалеристов под командованием опытных командиров – Деревцова, Мыльников, Гордеева – перешли границу на широком фронте. Они устремились в глубь российской территории, пытаясь поднять местное население на вооруженное выступление против Советов. Они расправлялись с представителями местных органов власти, грабили государственное имущество. В мае – июне 1924 года начальник Забайкальского губернского отдела ОГПУ Юзеф Клиндер и командир кавалерийского полка Константин Рокоссовский (в будущем – один из Маршалов Победы в Великой Отечественной войне) провели крупную войсковую операцию по ликвидации этих белых формирований. После разгрома белоповстанцы уже никогда большими группами не выходили на территорию российского Забайкалья из-за китайского рубежа.

Острота гражданского противостояния требовала проведения острых контрразведывательных операций за рубежом – дерзких по замыслу и исполнению. С точки зрения международного права это, очевидно, были акты агрессии против соседнего государства, с которым существовали дипломатические и иные отношения. Вопрос оправданности этих операций, которые советская сторона практиковала достаточно широко, требует, по видимому, отдельного обсуждения.

Советские органы государственной безопасности на всем протяжении 1922–1941 гг. проводили активные разведывательные операции в китайском Приаргунье. При этом масштаб репрессий был, очевидно, ограничен рамками необходимой самообороны. Соответствующие задачи ставились непосредственно Политбюро ЦК РКП-ВКП(б) в зависимости от внешнеполитической обстановки и представлений руководства страны о способах реагирования на её изменение. Проведение операций в тактическом отношении позволяло ограничивать и пресекать подрывную деятельность наиболее активных врагов Советского государства, но в стратегическом плане ставило СССР в весьма затруднительное положение, требовавшее принятия изошрен-

ных дипломатических шагов для того, чтобы сглаживать производимый негативный эффект в международных отношениях¹⁷³.

В 1925 году оперативные сотрудники Забайкальского губернского отдела ОГПУ провели две активные операции в городе Маньчжурия. Ставилась задача «обезглавить» подрывные центры непримиримой белой эмиграции. Здесь обосновался Захар Гордеев (один из немногих, кто сумел уйти от конников Рокоссовского), продолжавший энергичную деятельность по созданию антисоветского подполья в Забайкалье. В ночь с 12 на 13 апреля 1924 г. в его номер гостиницы в городе Маньчжурия вошли сотрудники ОГПУ, одетые в форму китайских полицейских. Они захватили Гордеева и затем переправили через границу. В ночь на 1 мая этого же года в гостинице г. Маньчжурии чекисты, одетые в мундиры белых офицеров, арестовали фальшивомонетчиков, организовавших изготовление фальшивых советских денег для распространения на территории СССР. Преступники также были вывезены в Читу и предстали перед судом.

Набеги на советские населенные пункты белоэмигрантских вооруженных отрядов не прекращались. Дальневосточный корпус русских добровольцев со второй половины 1920-х годов финансировал отряд под командованием П.Вершинина, который оперировал в Забайкалье. Органами госбезопасности были спланированы и проведены спецоперации по ликвидации предводителей и организаторов этих вооруженных отрядов. Так, зимой 1926 года в городе Маньчжурия был захвачен и вывезен в СССР полковник Ктиторов¹⁷⁴. 11 октября 1928 года по заданию Полномочного представительства ОГПУ в Дальневосточном крае (ПП ОГПУ ДВК) бывший офицер царской армии, сотрудничавший с органами госбезопасности, в 30 верстах от Хайлара убил известного деятеля монархического движения кирилловской ориентации в Китае. В докладе о результатах операции в Центр отмечалось, что «ликвидация прошла настолько успешно, что сведений о его исчезновении до сих пор среди белых не имеется»¹⁷⁵.

¹⁷³ Шинин О.В. Проведение органами государственной безопасности активных мероприятий в 1922-1941 годах (на материалах Дальневосточного региона) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С. 155

¹⁷⁴ Колпакиди А., Прохоров Д. Указ. соч. С. 184-185.

¹⁷⁵ Шинин О.В. Указ. соч. С. 148 – 149.

В конце 1931 года японская армия, захватив Северо-Восточный Китай, вышла на границы Дальнего Востока и Забайкалья. Началось ожесточенное противоборство советских и японских спецслужб, которое продолжалось до разгрома Квантунской армии в августе 1945 года¹⁷⁶. В нем приняли самое активное участие и русские белоэмигранты.

В течение, например, 1938 года японская военная миссия (ЯВМ) в Драгоценке (район Трехречья) на участках 53 и 54 пограничных отрядов организовала несколько нарушений границы, сопровождавшихся диверсионными и террористическими актами. В апреле группа белоэмигрантов совершила налёт на колхоз в п. Кочья Нерчинско-Заводского района (территория 54 погранотряда). Был сожжен дом, в котором находилась канцелярия колхоза, похищены документы. В июне той же группой на участке 54 погранотряда был произведен налет на советский пограничный наряд, один пограничник был убит, захвачены его снаряжение и боеприпасы. В октябре на участке Олочинской заставы 54 погранотряда была выброшена группа в составе семи человек. Организовав засаду, группа попыталась захватить пограничный наряд.

В ответ на акции японских спецслужб УНКВД по Читинской области обратилось к наркому внутренних дел Л.П. Берия за санкцией на проведение в на китайском берегу Аргуни ряда активных разведывательных акций. В частности, предлагалось захватить белогвардейский кордон в районе п. Шивэй напротив советского поселка Онохой Нерчинско-Заводского района, захватить одного из членов диверсионных групп, проживавшего в п. Джургахэ напротив советского поселка Усть-Уров. Предлагалось также осуществить налёт на конспиративную квартиру японской военной миссии в приисковом поселке Ума на берегу реки Аргунь, где резидент ЯВМ, японец по национальности, формировал диверсионные группы русских белоэмигрантов. Они участвовали в налёте на колхоз в селе Кочья в апреле и в убийстве бойца пограничного наряда в июне 1938 года. 29 янва-

¹⁷⁶ На защите Отечества. К 90-летию Регионального Управления ФСБ России по Читинской области. Чита: ООО «Экспресс-издательство», 2008. С. 20-21.

ря 1939 года НКВД санкционировало проведение вышеуказанных мероприятий¹⁷⁷.

Гражданская война в Приаргунье полностью прекратилась, пожалуй, лишь в 1945 году, когда в ходе Маньчжурской стратегической операции были проведены массовые аресты среди русских эмигрантов. В августе-октябре 1945 года из Китая вывезено в СССР до 10 тысяч человек, обвинённых в пособничестве Японии, которые в дальнейшем содержались в лагерях Дальнего Востока и Урала.

Очевидно, наибольшего накала и самых чудовищных проявлений жестокости гражданское противостояние в Приаргунье достигло в 1929 году. На примере эпизода, известного в эмигрантской литературе как трагедия в Дамысово, попытаемся разобраться в одном из наиболее болезненных и неоднозначных событий в новейшей истории Забайкалья. Это были рейды красных отрядов в поселки русских эмигрантов в районе Трехречья на китайском берегу пограничной реки Аргунь осенью 1929 года в период советско-китайского конфликта на КВЖД.

В ходе эскалации конфликта с июля до начала ноября 1929 г. на всем протяжении советско-китайской границы было отмечено 245 обстрелов и совершено 42 нападения на территорию СССР. В результате вооруженных столкновений 56 советских людей было убито и 118 ранено¹⁷⁸. Войска Чжан Сюэяна, расположенные в сопредельной с Восточным Забайкальем Барге (охрану данного участка границы осуществлял 3-й полк Северо-Восточной армии), имели основания рассчитывать на непрочность советского тыла. 1929 год был годом «великого перелома», начались варварская коллективизация с раскулачиванием.

Начались налеты на советские погранзаставы и села, в которых участвовали русские эмигранты. Диверсионные отряды белогвардейцев систематически перебрасывались на советскую территорию. Недалеко от ст. Карымская в 100 км от Читы была обнаружена белогвардейская банда в количестве 50 всадников, одетых в красноармейскую форму¹⁷⁹. Эмигрантский историк П.

¹⁷⁷ Шинин О.В. Указ. соч. С. 153-154.

¹⁷⁸ Аблова Н.Е. Указ. соч. С. 212.

¹⁷⁹ Соловьев А. В. Конфликт на КВЖД 1929. Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи. Новосибирск, Наука, 2012. С. 308.

Балакшин в книге «Финал в Китае» также приводит сведения, что один из белых вооруженных отрядов прорвался в пределы Забайкалья. К середине августа столкновения белых партизан с красными силами приняли настолько угрожающий характер, – признает П. Балакшин, – что китайские власти были поставлены перед необходимостью отвода белых отрядов, чтобы не довести конфликт до размеров настоящей войны.

Тем не менее, белые отряды от границы отведены не были, 30 октября командующий забайкальской группой войск С.С. Вострецов докладывал командарму Особой Дальневосточной армии В.К. Блюхеру: «Обстрел станицы Олочинской ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем продолжается восьмой день. Задерживается обмолот хлеба, срываются хлебозаготовки и вывоз к пристани 10 тысяч пудов зерна. Китайские белобандиты обстреливают население и скот. Население просит помощи. В случае отказа готовятся к самостоятельной расправе»¹⁸⁰.

С началом советско-китайского конфликта на КВЖД ОГПУ поставило перед Полпредством ОГПУ ДВК задачу проведения масштабных активных операций в Китае. В соответствии с этим Читинский окружной отдел ОГПУ формировал смешанные русско-китайские отряды численностью от нескольких десятков до двухсот человек каждый, а также отдельные группы из бывших красных партизан русской национальности, среди которых наибольшую известность получил Степан Толстокулаков.

В июле-ноябре 1929 года отряды совершали вылазки в Маньчжурию и провели ряд операций. К осуществлению активных акций на китайской территории были привлечены также сотрудники резидентур Контрразведывательного отдела (КРО) ПП ОГПУ ДВК, оперативные сотрудники органов государственной безопасности и погранохраны. Ими, в частности были затоплены шахты Чжалайнорских копей¹⁸¹.

В то время среди казаков Трехречья существовали два прямо противоположных мнения о необходимости борьбы против СССР. Когда руководители эмигрантских организаций Харбина

¹⁸⁰ Соловьев А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Русь, 2002. С. 99.

¹⁸¹ Шинин О.В. Указ. соч. С. 153.

попросили китайские власти помочь в создании вооруженных отрядов в Трехречье, администрация Особого района Восточных провинций отказалась, сославшись на то, что «при начале конфликта с СССР у казаков Трехречья преобладало мнение о невмешательстве в случае войны СССР с Китаем». Более того, китайские власти также опасались поддержки казаками в Хайларе и Трехречье советских войск¹⁸². В то же время участие белых русских в конфликте 1929 г. в сопредельных районах российского Забайкалья и Трехречья в китайском Хулунбуире включало организацию военных выступлений белых отрядов на советско-китайской границе и территории СССР.

Частью этого конфликта и стали события в Дамысово. Имеется эмигрантская версия, которая встречается в некотором количестве нарративов, первоисточником которых, насколько можно судить, является текст, опубликованный в харбинском журнале. Текст, в свою очередь, основан на «части, но достаточно проверенных опросом раненых и беженцев из Трехречья, сведений». То есть это повествование со слов неназванных очевидцев.

«28 сентября 1929 года красный партизанский отряд переправился через реку Аргунь и разграбил поселки Аргунск, Комары и хутор Дамысово, близ поселка Келари. При налете на эти поселки все жители были перебиты, все предано огню; убивали людей из винтовок и пулеметов. Детей сбрасывали в реку. В Дамысово трехмесячный ребенок, мальчик Зырянов был выхвачен из люльки и разорван... В поселках Аргунском, Комары и на хуторе Дамысово было убито около 120 человек».

Публикация содержит сведения об убитых в Дамысово, приводится список из 50 фамилий с указанием возраста, в том числе глубокие старики, женщины и малолетние дети. Чаще всего встречаются Зыряновы, всего 12 человек, из них 5 – малолетние дети¹⁸³.

Несколько иначе эти события выглядят в китайских источниках, а также в историческом формуляре Краснознаменного Приаргунского пограничного отряда (в рассматриваемый период – 19-й (Нерчинский кавалерийский) погранотряд войск ОГПУ

¹⁸² ГАХК. Ф.1128. Оп.1. Д.50. Л.171.

¹⁸³ Доколе, о Господи. // Хлеб Небесный, № 13. Харбин, 1929. С. 11-14.

СССР). Данные материалы ранее не были в научном обороте и, на наш взгляд, позволяют создать более полную картину драматических событий.

В 1929 году командование 3-го полка китайской Северо-восточной армии на аргунском участке границы организовало 3 шайки русских наемников для разведывательно-диверсионных рейдов на советскую территорию. Слово «шайка» здесь не прихоть автора, а счетное слово 股, которое употреблено в китайском источнике именно в данном значении. Китайские военные обеспечили оружием и боеприпасами банды во главе с Иваном Пешковым в составе 63 человек, Иваном Зыковым – 45 человек и Иваном Аксёновым – 16 человек, всего 123 бойца. Вокруг этой группы возникло временное военное формирование общей численность до 500 человек¹⁸⁴. Учитывая, что тогдашняя численность русского населения Правоаргунского хошуна (ныне – город Эргуна), где располагается Трехреченский анклав, не превышала 10 тысяч человек, под ружьем у китайцев в этом районе оказалось 5 процентов всего русского населения. В среднем каждый 20-й трехреченец по своей воле взял в руки оружие, чтобы воевать с СССР на стороне Китая. Они вели ружейный и пулеметный обстрел советской территории, постоянно нарушали границу, нападали на пограничные дозоры. Непрерывные обстрелы станиц Олочинская и Абагайтуевская на Аргуни привели к тому, что крестьяне были вынуждены эвакуироваться. В ответ в начале третьей декады сентября сводная группа советских пограничников форсировала Аргунь и разгромила 8 китайских застав¹⁸⁵

Но вернемся к событиям в Дамысово (в китайской транскрипции – Дамусу). Это был крошечный поселок русских эмигрантов – около 30 дворов. Он получил свое наименование от деревни Дамысово на противоположном русском берегу. В 7,5 км от китайского Дамысово находилась построенная в 1908 году китайская застава Билаэрхэ или Шиика – 11-я застава. Команди-

¹⁸⁴ Эргуна Юци чжи (Летопись Правоаргунского хошуна). Хайлар, 1993. С. 691.

¹⁸⁵ Краснознаменному Приаргунскому пограничному отряду 80 лет. Авторский коллектив под руководством полковника Алдашкина И.В. Краснокаменск: ЗАО «Полус», 2004. С.14.

ром кордона был офицер Люй Жуйфу (吕瑞甫 1885-1929). Вообще китайские источники весьма подробно описывают рассматриваемые события из-за данного персонажа. Считается, что он пал за свою страну в бою с советскими военными, вторгшимися в пределы Китая.

Командир заставы Люй прекрасно говорил и читал по-русски, русской была одна из двух его жен. Он выступил организатором воинских отрядов в составе русских эмигрантов из соседних сел, раздал им оружие и проводил военную подготовку. По китайской версии во второй половине сентября прибрежные села Аргунск (40 дворов) и Комары (30 дворов), а также застава Билаэрхэ были затоплены паводком. Люй Жуйфу перевел заставу в не пострадавшее от наводнения Дамысово. Туда же эвакуировались эмигранты из сел Аргунск и Комары, то есть по сведениям китайцев в этих двух селах людей не было. Вместе с тем, на момент рассматриваемых событий Дамысово было местом дислокации заставы Билаэрхэ – регулярной воинской части 3-го полка Северо-Восточной армии Китая, которая использовала русских наемников для рейдов на советскую территорию.

28 сентября 1929 г. Дамысово, как утверждают китайские авторы, подверглось нападению красного отряда численностью 200 человек. Люй имел в своем распоряжении 15 китайских бойцов и русских наемников, в том числе Ивана Пешкова и его людей. Бой продолжался 8 часов, атакующие вели по селу огонь из станковых пулеметов и активно применяли ручные гранаты. Командир заставы Люй был убит, красные по данным китайцев потеряли убитыми 10 человек. Двум китайцам и малой части белых партизан удалось вырваться из окружения. Общие потери защитников хутор составили около 100 человек убитыми. Пленные белые русские были расстреляны, деревня сожжена¹⁸⁶.

В 2004 г. была опубликована выдержка из исторического формуляра Краснознаменного Приаргунского пограничного отряда (несмотря на некоторое несовпадение дат, речь, безусловно, идет об одних и тех же событиях): «Начальнику [Нерчин-

¹⁸⁶ Ван Кэюн. Люй кагуань цзиши [Записки о командире заставы Люе] // Элосыцзу байнянь шилу [Подлинные записки ста лет русской национальности]/ Сборник статей. Пекин: Изд-во Культура и история Китая, 2007. С.101-102.

ского кавалерийского пограничного] отряда стало известно, что в ночь на 27 сентября банда в составе 90 казаков... во главе с казачьим офицером Зыряновым из района китайского поселка Дамасу (искаженное от Дамусу 达木苏, китайского названия Дамысово – А.Т.) должна перейти границу, и напасть на заставу и село Аргунск. Оценив обстановку, начальник отряда принял решение окружить и уничтожить банду на месте ее сосредоточения. Для выполнения этой задачи командование отряда сформировало истребительную группу в составе 68 пограничников. В нее были влиты 4 коммуниста и 18 комсомольцев. Выполняя боевое задание командования, истребительная группа пограничников в ночь на 26 сентября скрытно переправилась через реку Аргунь и окружила банду в районе китайского кордона Дамасу. Внезапная и дерзкая атака отважных пограничников завершилась полным уничтожением банды... В результате четырехчасового боя было уничтожено около 90 бандитов и 20 солдат китайского пикета. Потери с нашей стороны: убито 2 красноармейца и младший командир, легко ранен красноармеец и 2 местных жителя, оказывавших содействие нашему отряду»¹⁸⁷.

Сколько бы не продолжался бой в Дамысово, 4 часа или 8 часов, превосходящим в живой силе и вооружении красным, так долго и упорно могли противостоять только организованные военные силы, что подтверждается китайскими источниками. В этой связи мы считаем, что эмигрантская версия немотивированного нападения на мирное русское село не находит подтверждения. Судя по советскому источнику, который подтверждается сведениями из китайских архивов, мы имеем дело не с карательной, а с вынужденной военной акцией. Отказ красных брать пленных, как можно предположить, был вызван своими потерями убитыми.

Вскоре после дамысовской драмы китайская сторона направила в Цилалинь (Келари) отряд кавалерии с минометом и пулеметом. В отместку за уничтожение кордона и для демонстрации силы китайцы выпустили по целям на русском берегу Аргуни более 100 снарядов.

¹⁸⁷ Краснознаменному Приаргунскому пограничному отряду 80 лет...С.14.

В результате продолжительного тяжелого боя с применением автоматического оружия и гранат мирные жители, оказавшиеся в окружении вместе с китайской заставой и её русскими наемниками, не могли не пострадать жестоко. Вызывает вопрос большое число в списке убитых в Дамысово однофамильцев Зырянова, который в советском источнике указан в качестве главаря белобандитов. Но, во-первых, Зыряновы – довольно распространенная в этих местах фамилия, во-вторых, как следует из советской версии, атаковавшие применяли гранаты по противнику, который отстреливался из жилых домов.

Владимир Григорьевич Зырянов из забайкальского села Аргунск в 2009 году в личной беседе пересказывал автору свидетельство очевидца из Дамысово на российском берегу, – жители этого села наблюдали за развитием событий со своего берега. Он сообщил, что после ухода красных военных обитатели российского Дамысово переправились на китайский берег на плоту и разграбили покинутое и горящее село, заваленное трупами людей и домашних животных. Причем на китайском берегу между мародерами происходили драки за право разместить награбленное на плоту. Захоронение жертв сражения было организовано через несколько дней китайскими властями.

Русские продолжали жить в Дамысово, после создания КНР переименованного в Пинань, вплоть до выезда в Россию и Австралию в 1950-60 гг.

Русская часть семьи Люй Жуйфу не просто уцелела, но через четверть века спустя перебралась в Россию. 18 сентября 1999 года 8 потомков и родственников Люй Жуйфу по линии его русской жены побывали на могиле китайского пограничника, которая превращена в мемориал воинской славы Китая и находится в КНР под охраной государства. Они отметили 70-ю годовщину драматических событий, о чем свидетельствует надпись на мемориальной доске. Там же перечислены и участники поминального мероприятия: шестеро, уехавших в Россию – дочь Нина Люй, сын Люй Чжэндэ, невестка Инна Люй, внучки Лариса и Наталия и правнук Илья, а также двое, перебравшихся в Австралию – внучка Ши Мэйли и зять внучки Го Пэйхуан.

Таким образом, утверждение эмигрантского журнала, будто «поселенцы Трехречья не имели никакого отношения к происходящему конфликту и не участвовали в борьбе против советской власти» с учетом китайских источников следует признать не соответствующим действительности. Рассказы о зверствах красных представляются выдумками эмигрантской прессы. Информация, что «при налете на эти поселки все жители были перебиты», совершенно определенно является преувеличением.

Вина за трагедию в Трехречье представителями европейской эмиграции возлагалась на лидеров дальневосточной колонии. А.Ф. Керенский, в частности, отмечал, что русские белые не должны были поддерживать китайцев ни в захвате КВЖД, ни в военном столкновении с СССР. Керенский считал, что нужно вынести урок из трагедии в Трехречье: «Навсегда отказаться от расчета на иностранные штыки и все силы отдать на внутреннюю, русскую борьбу за освобождение»¹⁸⁸.

Таким образом, эпизод в Дамысово вряд ли стоит трактовать как карательную акцию советских спецслужб. Это был рейд, продиктованный соображениями самообороны, спровоцированный самими эмигрантами и китайскими властями. Жители Дамысово не были вырезаны советскими регулярными войсками сознательно, а пали жертвой боевых действий. Для понимания мотивов и методов действий основных сторон конфликта это принципиально важно. Подробное рассмотрение данного эпизода позволяет лучше понять сложную и противоречивую обстановку 1929 года. Хочется надеяться, что это создаст предпосылки для общего понимания событий нашего собственного прошлого.

¹⁸⁸ Дни. 1929. 8 декабря. № 66.

Республика Казахстан: этномиграционные процессы в начале XXI века.

Александр Алексеенко¹⁸⁹

В начале XXI века история межгосударственных миграций в Республике Казахстан вышла на очередной этап. Основным внешним подтверждением данного факта являются статистические данные. Они свидетельствуют о резком снижении миграционной активности, прежде всего русского населения Казахстана. Так, если в 1994 г. потери русских в миграционном обмене с другими государствами (прежде всего с Россией), составляли 251,9 тыс. человек, то через 10 лет, в 2004 г. – 26,7 тысяч¹⁹⁰.

Снижение активности внешней миграции связано, прежде всего, с исчерпанием «выталкивающего» влияния этнополитического фактора, определявшего ситуацию до середины 90-х годов XX века. К концу XX – началу XXI вв. этнополитические мотивы не являются доминирующими. Утверждение суверенного сознания к этому времени в значительной мере оформилось, все в большей степени внимание обращается на социально-экономические проблемы. Курс на ускоренное модернизационное развитие свидетельствовал о «западном» ориентире государственного развития, что позволяло надеяться на то, что этнические мотивы не будут более играть серьезной роли в миграционных процессах.

Тем не менее, в РК по-прежнему присутствует объективная возможность межэтнического противостояния. Особенности исторического развития определили этнически выраженную географическую и экономическую дифференциацию, в большей

¹⁸⁹ * Алексеенко Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и проблем человеческого развития, Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан.

¹⁹⁰ Народонаселение Казахстана. 2000. Сборник материалов по вопросам народонаселения. Астана, 2000. С. 38; Демографический ежегодник Казахстана. 2005. Статистический сборник. Алматы, 2005. С. 69.

или меньшей степени характерную для отдельных регионов государства. Ускорение модернизации приведет к более быстрому росту уровня жизни в городах, что неизбежно интенсифицирует этнически выраженный миграционный поток из сел в города. Исходя из логики развития этнических конфликтов, подтвержденной многими примерами в мире, вслед за этим начинается этническое адаптирование нового места жительства (экономическое, культурно-языковое, ономастическое и т.п.), которое может быть поддержано государством, с помощью, например, языковой политики. И хотя деятельность государственных структур будет объективно объяснима, также объективно этнополитический фактор начнет играть более значимую роль в развитии общества.

Роль политического фактора в миграционных процессах, на взгляд автора, остается значимой. Суверенная история миграции является отражением смены политического вектора. Становление государственности (принятие Конституции, герб, гимн и т.д.) и неизбежное обострение межэтнических отношений привело к массовой эмиграции русскоязычных. Следствием ставки государства на социально-экономическое развитие, подчеркнутые заявления о равенстве всех народов, населяющих Казахстан, стало значительное снижение эмиграционных настроений.

Конечно же, в чистом виде этнополитический фактор эмиграции в РК отсутствует. Прямых «выталкивающих» призывов со стороны государственных деятелей никогда не было. Миграционные процессы определялись и определяются социально-экономическими, социально-культурными, «историческими» и прочими причинами. Но именно политические решения (пусть даже логичные и вполне объяснимые) заставляют эти нейтральные факторы продуцировать или менее, или более интенсивно.

На взгляд автора, период государственного «нейтралитета», приведшего, на фоне социально-экономических успехов, к спаду эмиграции, завершился. Рубежной датой можно считать 2006 год, когда значительно активизировалась деятельность государства по укреплению статуса казахского языка. В первую очередь это касается образовательной сферы (увеличение количества учебных часов в школах, увеличение дошкольных учреждений,

школ с казахским языком обучения и т.д.). Министерством труда и социальной защиты разработан проект закона, демонстрирующий перечень профессий, для которых необходимо знание государственного языка в определенном объеме и в соответствии с квалификационными требованиями¹⁹¹. Указом президента РК утверждены новые сроки перехода делопроизводства на государственный язык (2008 год вместо 2010). Президентом РК предложено также перевести казахский алфавит с кириллицы на латиницу.

Нет сомнений в том, что любая страна должна стремиться к укреплению статуса государственного языка. В тоже время, укрепление это должно строиться на определенном фундаменте. Каково же состояние государственного языка в Казахстане? Представлю ситуацию на примере статистических данных переписи населения 1999 г. (для Казахстана в целом), и социологического опроса, проведенного осенью 2006 г. в Восточно-Казахстанской области.

Данные переписи населения РК, проходившей в начале 1999 г. показали, что казахский язык знает 64,4% населения, при этом 11,7% из них владеют языком слабо. В этническом аспекте ситуация выглядела следующим образом: казахи – владеют языком 99,4%, из них слабо – 1,4%; русские – владеют языком 14,9%, из них слабо – 85,6%; украинцы – владеют языком 12,6%, из них слабо – 83,9%; татары – владеют языком 63,6%, из них слабо – 36,2% и т.д.¹⁹². Реально, таким образом, по данным переписи 1999 г. казахский язык знали 2,1% русских, 2,0% украинцев, 1,6% белорусов, 3,3% немцев и т.д. У тюркских народов положение лучше, большинство казахов, согласно статистике, хорошо владеет родным языком. Но представители казахской интеллигенции сомневаются в представленных переписью статистических данных. Активный лоббист казахского языка в парламенте Амангельды Айтказы считает: «... между признанием языка родным и владением им лежит дистанция огромного размера. Некоторым чувство национального достоинства просто не позволяет

¹⁹¹ Ана тілі, 2006, 11 мая

¹⁹² Национальный состав населения РК. Том 2. Население РК по национальностям и владению языками. Итоги переписи населения 1999 г. в РК. Алматы, 2000. С. 10, 33

отказаться от родного языка, хотя они и не владеют им»¹⁹³. По мнению А.Айткалы, от 25% до 40% не владеют родным языком. Требование знания государственного языка сегодня надо предъявлять тюркоязычным народам: «А если предъявлять его русским, украинцам и другим русскоговорящим, то кроме неприятностей, мы ничего не наживем. Это действительно означало бы нарушение прав человека»¹⁹⁴.

Таким образом, к концу XX века положение с государственным языком было сложным. Остается оно таковым и в настоящее время. Фактически на государственном уровне признан провал программы по изучению казахского языка: «Тому, кто пошел в первый класс в 1992 году, уже 21 год. Как же учили их, и каково было требование к знанию государственного языка, если они до сих пор практически не владеют казахским?»¹⁹⁵.

Слова президента РК подтверждаются данными социологического опроса, проведенного в 2006 г. в Восточно-Казахстанской области. «Свободно и хорошо» государственным языком владеет 39,2% опрошенных, 45,9% язык не знает совершенно или знает плохо. При этом приведенные показатели касаются владения разговорным языком, делопроизводство на государственном языке сможет вести гораздо меньшее количество респондентов, несмотря на то, что среди них значительный удельный вес государственных служащих, работников бюджетной сферы. Мало вероятно, что в ближайшее время положение дел кардинально изменится.

О новых сроках перевода делопроизводства на государственный язык знает около половины участников опроса, при этом большая часть «знающих» называет неверную дату¹⁹⁶.

Таким образом, складывается впечатление, что люди не все-речь отнеслись к перспективе перевода делопроизводства на государственный язык, введению списка профессий с обязательным знанием казахского языка (значительная часть респонден-

¹⁹³ Central Asia Monitor, 2006, 30 июня

¹⁹⁴ Там же

¹⁹⁵ Назарбаев Н.А. Речь на двенадцатой сессии Ассамблеи народов Казахстана// Казахстанская правда, 2006, 25 октября

¹⁹⁶ Исследование проведено осенью 2006 г. Опрошено 500 человек в гг. Усть-Каменогорске и Семипалатинске

тов о таком списке и не подозревает). Во всяком случае, точных представлений, что ожидает их в будущем, у большинства не сложилось. Государство выдвинуло новые правила игры, но с ними знакомы далеко не все. Чем более жестко и последовательно эти правила будут выдерживаться, тем сильнее будет шок ныне «несведущих». Вероятность того, что не титульное население, занимающее рабочие места, входящие в «список профессий», быстро выучит казахский язык, ничтожно мала. Тем более что в скором времени планируется введение латинского алфавита. Из ответов респондентов видно, что возрастная группа от 30 лет и старше языком фактически не владеет и надежд на его изучение не питает («не уверен в своих способностях», «не смогу выучить язык» и т.п.).

Объективную реальность ситуации признает и президент РК. В речи на двенадцатой Ассамблеи народов Казахстана Н.Назарбаев сказал: «Я много раз говорил о том, что нельзя заставлять людей старшего поколения насильно учить язык. Остаюсь при своем мнении и сейчас...Но молодежь в Казахстане должна знать: без знания государственного языка работать в госорганах, сфере услуг, правоохранительных органах или судебной сфере будет невозможно»¹⁹⁷. Но проблема заключается в том, что введение делопроизводства на государственном языке коснется как раз не молодежи, а в основном людей среднего поколения. При этом затруднения испытывают не только представители не титульных этносов, но и казахи: значительная часть их (причем работающих в государственных структурах), не владеет делопроизводством на государственном языке.

Итак, введение делопроизводства на государственном языке, «списка профессий» может привести к определенным межэтническим, социальным проблемам. Началось оживление деятельности национал-патриотических движений (как казахских, так и славянских), нейтрализованных государственными структурами в недавнем прошлом. При этом активизация национал-патриотических усилий с одной стороны будет вызывать ответную реакцию национал-патриотов с другой. Собственно говоря, процесс уже пошел. В республиканских бумажных и электрон-

¹⁹⁷ Казахстанская правда, 2006, 25 октября

ных СМИ появились материалы явно провокационного характера, оскорбляющие национальное достоинство, как казахов, так и русских. Ситуация, таким образом, может выйти из-под контроля.

Одним из критериев напряженности является этнически выраженная ономастическая активность, значительно повысившаяся в последнее время. Опасность «ономастических революций» заключается в том, что в них по разные стороны «этнических баррикад» принимает участие значительная часть населения. Введение делопроизводства на государственном языке реально затронет небольшую часть русскоязычных, так как кадровая смена в предложенном «списке профессий» в целом уже произошла. Например, русскоязычные Усть-Каменогорска трудятся в основном в промышленной сфере и мало осведомлены о скорых переменах. Изменение же названий улиц областного центра вызовет гораздо более массовую реакцию. Особенностью Усть-Каменогорска является то, что это один из немногих (если не единственный) городов Казахстана, где большинство улиц сохранили свои прежние названия. Центральные улицы города носят имена Орджоникидзе, Ворошилова, Горького, Крылова и т.д. Еще в 2000 г. депутаты городского маслихата объявили мораторий на переименования, который не отменен до настоящего времени. Все это время представители казахской общественности поднимали вопрос о переименовании ряда улиц, в первую очередь центральных. Основная причина обосновывалась тем, что названия улиц Усть-Каменогорска не отражают истории казахского народа, несут отпечаток «колониального и тоталитарного» прошлого и т.п. Другая сторона ищет аргументы в историческом факторе, нашедшем адекватное отражение в ономастике города. Таким образом, ономастическая проблема приобрела ярко выраженный этнический характер. Точек соприкосновения у противоборствующих сторон практически нет, поиск аргументов идет в параллельных, не пересекающихся источниках.

Итак, в настоящее время проблема межнационального согласия вновь становится актуальной в Республике Казахстан. Каким образом отреагирует русскоязычное население на изменившуюся ситуацию? Весьма вероятной представляется ак-

тивизация миграционного оттока, прежде всего в Российскую Федерацию. Связано это и с программами российского правительства по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Сочетание «выталкивающего» и «притягивающего» факторов может привести к появлению нового этапа миграционной истории.

Миграционные процессы в Иркутской области на рубеже XX-XXI вв.

Константин Григоричев¹⁹⁸

Рубеж XX и XXI веков стал для Иркутской области, как и для всей России, эпохой кардинальных сдвигов в составе и структуре населения. Отчасти это было продолжением долговременных модернизационных процессов: урбанизации, сокращения рождаемости и общей численности населения, усложнения социально-профессиональной структуры. Не менее важные последствия повлекли за собой распад СССР, радикальная смена политического режима и модели общественного и экономического устройства. Трудный и болезненный переход к рыночной экономике и открытому обществу оказали огромное и неоднозначное воздействие на численность населения, его структуру, социальный и профессиональный состав.

Не следует забывать и сибирскую специфику. Сибирь, как переселенческое по истории формирования и многим социокультурным характеристикам общество, всегда находилась, находится и будет находиться в обозримом будущем, в зависимости от миграционных потоков. Постоянный приток мигрантов здесь – залог развития и просто обеспечения нормальной жизни. Крушение государственной социалистической экономики привело к сворачиванию государственно спонсируемых программ переселения и оседания, к кризису и болезненной перестройке той структуры экономики, которая мигрантов принимала и закрепляла. Новых инструментов привлечения населения в Сибирь государство найти не смогло, а для рыночной экономики более выгодным решением оказались временные трудовые мигранты.

Поэтому общероссийский процесс сокращения рождаемости, старения населения, уменьшения его численности дополнился здесь «западным дрейфом» – миграцией в некоторые

¹⁹⁸ Григоричев Константин Вадимович, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета.

крупнейшие города Европейской России. А из Иркутской области – еще и в соседние, более динамично развивающиеся Красноярск и Новосибирск. В некоторой мере эта убыль компенсируется притоком трансграничных мигрантов, прежде всего, из государств Центральной Азии и Китая. Экономически выгодная и необходимая, эта миграция способствует формированию целого комплекса новых и очень сложных проблем и конфликтов.

Начиная с 1996 г. совокупный миграционный баланс Иркутской области неизменно имел отрицательный результат. Общая миграционная подвижность населения Сибири постепенно снижается, а «западный дрейф» миграции стимулирует движение населения восточных соседей региона далее на запад страны, в наиболее крупные центры экономической и социальной жизни России.

Коэффициент миграционной подвижности населения Иркутской области за 1993 – 2009 гг. снизился более чем в 2 раза. Снизилась как внутриобластная, так и межрегиональная подвижность. Основной составляющей этого процесса является сокращение числа прибытий в область, уменьшающееся заметно быстрее, чем число выбывающих из нее. Так, в 2009 г. численность выбывших с территории Иркутской области в другие регионы страны по сравнению с 1993 г. уменьшилось на 50%, тогда как число прибывших – на 67%. За 1990 – 2007 гг. число мигрантов прибывающих в область сократилось 3,7 раза, а выбывающих – только в 3 раза.

Снижение территориальной подвижности населения не способствовало сокращению миграционных потерь. За счет более быстрого уменьшения числа прибытий результативность миграции (отношение числа прибывших к числу выбывших) в регионе постоянно снижается: за 1993-2009 гг. значение этого показателя снизилось с 0,96 до 0,83. Особенно быстро снижается результативность миграции для области в рамках межрегиональной миграции, что отражает быстрое снижение миграционной привлекательности области. Это имеет четкую корреляцию с динамикой экономических процессов. Кризисы 1998 г. и 2008 г. вели к уменьшению миграционных потерь

региона в обмене с другими субъектами РФ. Напротив, экономический рост первой половины 2000-х гг. стимулировал отток населения области в другие регионы. Глубина кризиса 2008-2009 гг. в Иркутской области оценивается исследователями как «высокая»¹⁹⁹, что ведет к увеличению выталкивающих факторов. Но поскольку миграционный отток увеличивался в годы экономического роста, это ведет к отставанию области в социально-экономическом развитии, в росте уровня и качества жизни.

В межрегиональной миграции четко выражен «западный дрейф», однако его территориальная структура постепенно изменяется. Если в 2002 г. на федеральные округа, расположенные западнее Урала приходилось около 97% потерь области, то в 2007 г. – менее 65%. Зато доля иных регионов Сибирского федерального округа выросла с 1% до 29%. Бурное социально-экономическое развитие Новосибирской области и Красноярского края в 2000-е годы стимулировало отток туда жителей Иркутской области. Миграционная убыль туда всего за 6 лет выросла в 2,3 и 2,7 раза соответственно (как в абсолютных цифрах, так и в коэффициенте миграционной убыли). Кроме того, они отвлекли на себя и часть мигрантов из традиционных регионов – доноров. Так, положительное сальдо миграции с Республикой Бурятия за 2002-2007 гг. сократилось более чем на две трети, с Забайкальским краем – на треть. Небольшой, но стабильный прирост в обмене с дальневосточными регионами сменился к 2007 г. на отрицательное сальдо. Иными словами, растущее отставание Иркутской области от Красноярска и Новосибирска ведет к потерям собственного населения и заметно снижает потенциал миграционного притока из других регионов страны.

На рубеже 1990-2000-х гг. сложилась крайне неблагоприятная возрастная структура миграционных потерь Иркутской области. Около 14,5% убыли приходится на детей в возрасте до 15 лет. Более 74% составляют трудоспособные возраста. Из

¹⁹⁹ Российские особенности глобального кризиса: территориальный анализ. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2010. С. 37-38

них более трех четвертей (75,6%) – лица младшего трудоспособного возраста (до 40 лет). Важно отметить в миграционной убыли высокую долю лиц в возрасте 20-29 лет (1940 человек или 26% всей убыли). Очевидно, что основную часть этой группы составляют молодые специалисты (выпускники ВУЗов и ССУЗов Иркутской области): более половины (52,5%) миграционной убыли приходится на лиц с высшим и средним специальным образованием.

Подобная ситуация характерна и для наиболее мощного центра притяжения мигрантов в области – города Иркутска. Здесь с 1980-х гг. сложилась возрастная структура миграционного прироста/убыли, типичная для крупного образовательного центра, имеющего мощный научно-образовательный кластер, но не располагающего широким рынком труда для его выпускников. Около одной трети выезжающих из города мигрантов составляют молодые люди в возрасте 20-25 лет, что отрицательно влияет не только на текущую численность населения, но и на перспективы рождаемости. Практически весь миграционный прирост приходится на возраст 17-18 лет. Очевидно, что подавляющую часть этих мигрантов составляют абитуриенты иркутских вузов. А их выпускники формируют основную часть миграционного оттока молодых людей.

В постсоветский период сложился хорошо выраженный тренд перемещения населения в областной центр и всю зону Иркутской агломерации. Подавляющая часть муниципальных образований области (как сельских районов, так и городов) с середины 2000-х годов имеет устойчиво отрицательный миграционный баланс в пользу Иркутской агломерации. Однако и в ее структуре произошли серьезные изменения. Из агломерационного ареала Иркутска выпал город Черемхово, который как центр угледобывающей промышленности области, все глубже погружается в социально-экономическую стагнацию и практически перестал привлекать мигрантов из других муниципальных образований. Более того, если миграционная убыль в сельском Черемховском районе не слишком велика, то для города Черемхово миграционная убыль стала одним из важнейших факторов сокращения численности населения.

Значение Иркутской агломерации как точки «собирания» населения области, важнейшего центра притяжения региона заметно выросло. Она имеет положительный миграционный баланс более чем с 80% муниципальных образований области, при этом объем этих миграций несопоставимо выше, чем иных внутриобластных потоков. Более половину миграционного прироста Иркутской агломерации во внутрорегиональной миграции формирует приток из наиболее крупных городов области. Более половины этого прироста приходится на депрессивные города (1 группа, табл.1). Выталкивающие факторы (безработица, крайне низкий уровень и невысокое качество жизни) здесь сочетаются с притягательностью Иркутской агломерации (значительно более широкие возможности для поиска работы, получения образования, карьерного роста, в целом – серьезно повышения жизненной траектории).

Таблица 1 Миграционный баланс по внутриобластной миграции городов Иркутской области, 2007 г. (чел.)

	Общий	с ИГА	с остальной областью
1 группа			
Бодайбо	-167	-116	-51
Нижнеудинск	-81	-45	-36
Тулун	-588	-196	-392
Усть-Кут	-257	-112	-145
Черемхово	-230	-146	-84
2 группа			
Братск	238	-158	396
Зима	42	-45	87
Саянск	36	-66	102
Тайшет	-9	-26	17
Усть-Илимск	59	-82	141
Свирск	6	-31	37
3 группа			
Усолье-Сибирское	18	24	-6
Все города	-933	-999	66

Иная ситуация в городах, формирующих вторую группу (Табл.1). Положительный или близкий к нулю миграционный

баланс в них складывается на основе оттока горожан в поселения Иркутской агломерации и притока мигрантов с остальной территории области. Большинство этих городов стягивают население с прилегающих территорий, причем, чем крупнее городской центр, тем с большей территории он «собирает» мигрантов. Наиболее ярким примером может служить миграционная ситуация крупного индустриального центра, Братска. Он располагает вполне развитой социальной, коммунальной и прочей инфраструктурой, достаточно широким рынком труда. Этот комплекс притягивающих факторов формирует заметный приток мигрантов из прилегающих сельских районов, а также депрессивных территорий севера области (чему способствует транспортная инфраструктура – здесь проходят основные железнодорожные и автодорожные магистрали на юг области).

Примечательно изменение ситуации в Усольском районе и городе Усолье-Сибирское, расположенных в 80 км к западу от г. Иркутска. Если в начале 1990-х годов число прибывших сюда лишь немногим превышало число выбывших, и данные муниципальные образования не отличались по характеру миграционных процессов от однотипных районов и городов области, то в середине – второй половине 2000-х годов здесь формируется один из мощнейших центров притяжения внутриобластной миграции. Преимущественно в район прибывают жители соседних районов и районов, расположенных в центральной и западной части области.

Это определено экономической специализацией района: в последние годы он развивается как крупнейший центр производства сельскохозяйственной продукции (молочной и мясной), ориентированный, прежде всего, на обеспечение потребностей агломерации. Наличие относительно качественной автодороги и регулярного железнодорожного сообщения (пригородный электротранспорт), обеспечивающих, по крайней мере, 90-минутную доступность в центр области (Иркутск), обеспечили органичное включение этих муниципальных образований в ареал агломерации. Именно здесь отчетливо просматривается граница Иркутской агломерации, поскольку уже в соседних

(северных и западных) муниципальных образованиях внутриобластной миграционный баланс нулевой или отрицательный.

Наряду с Иркутской агломерацией в 2000-е сформировалось несколько локальных центров притяжения мигрантов: города Братск, Саянск и в меньшей степени – Усть-Илимск. Братск и Усть-Илимск лежат вне Транссибирской железной дороги, традиционной линии притяжения мигрантов в 1980 – 1990-х годах. Теперь далеко не вся наиболее заселенная полоса на юге области остается притягательной. И состояние рынка труда далеко не всегда является определяющим фактором в формировании трендов миграции. Так, крупные экономические проекты, реализация которых была начата в 2006-2008 годах в городе Тайшет и Тайшетском районе, не привели к заметному изменению миграционной ситуации в них. А Усть-Илимск, даже в условиях экономического спада, сжатия рынка труда и роста безработицы остается привлекательным для выходцев из ряда соседних сельских районов. Можно предположить, что именно новое (для выходцев их села) качество жизни в сочетании с преодолемым «порогом ценовой доступности» для переселения в эти центры, стали ключевыми притягивающими факторами внутриобластной миграции.

Фактически, выявленные характеристики внутриобластной миграции позволяют говорить о формировании нескольких устойчивых векторов движения населения. Прежде всего, это нарастающий процесс концентрации населения области в ареале Иркутской агломерации. Во-вторых – сохраняющееся движение населения из северных и северо-восточных районов области на юг, что, вероятно, может быть определено как инерция миграционного и социального движения позднесоветского периода и 1990-х годов. И, наконец, в-третьих – формирование новых центров притяжения внутриобластной миграции, которыми стали средние города, обладающие не только экономическим потенциалом, достаточно широким рынком труда, но и предоставляющими относительно высокое качество среды жизни.

Новым феноменом рассматриваемого периода стало появление и растущая роль в экономике иностранной рабочей

силы. Особенно быстрый прирост их численности приходится на нулевые годы. Можно говорить о скачке 2007 г., связанного с либерализацией миграционного законодательства. В этом году радикально увеличилось не число иностранных трудовых мигрантов, а удельный вес тех из них, кто был официально зарегистрирован. Основными странами выхода трудовых мигрантов для Иркутской области являются Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, КНР, Украина. До 2006 года наибольшее число трудовых мигрантов прибывало в область из КНР, но с 2007 г. основную часть потока иностранных рабочих составляют выходцы из стран постсоветской Центральной Азии. Так, в 2007 году доля мигрантов в общем числе официально занятых иностранцев составила: из Узбекистана – 27,6%, Таджикистана – 22,4%, Кыргызстана – 20,9%, КНР – 18,6%.

Основными отраслями занятости гастарбайтеров являются строительство, тяжелые работы в промышленности и сельском хозяйстве, низко квалифицированные и мало престижные виды общественного обслуживания. Сложилась четкая отраслевая и профессиональная специализация. Выходцы из Китая – это в основном овощеводы, строители и автомеханики. Рабочие из Украины заняты в старательских артелях. На тяжелых работах в промышленности используют труд выходцев из Узбекистана и Таджикистана. Среди иностранных работников преобладают люди с низкой и средней квалификацией труда, что соответствует структуре потребности в рабочей силе предприятий и организаций.

Важнейшим центром притяжения для них служат города и районы Иркутской агломерации. Именно здесь сосредоточена основная часть строительного сектора экономики, формирующего основной спрос на привлечение рабочих из-за рубежа. Здесь же наиболее высока потребность в дешевой рабочей силе для предприятий сферы обслуживания (в том числе и в сфере коммунального хозяйства). Наконец, именно здесь наиболее широки возможности для предпринимательской легальной, «серой» и совсем нелегальной деятельности. В прилегающих сельских районах (прежде всего, Иркутском районе области) сформировались крупные тепличные хозяйства, в которых ра-

ботают преимущественно мигранты из КНР. Успешность этого бизнеса (она формируется и дешевой силой труда, и возможностью продажи продукции под брендом «местного товара») обуславливает стабильный спрос на рабочие руки из Китая, а сформировавшиеся за последние годы миграционные сети и механизмы адаптации мигрантов позволяют предположить стабильность этой территории как точки притяжения таких мигрантов.

В значительно меньших масштабах, но, тем не менее, центрами привлечения иностранных мигрантов являются города Братск, Усть-Илимск, Бодайбо. Здесь, однако, спрос на иностранных рабочих более узкий как в масштабах, так и по специализации прибывающих на работу мигрантов. В этих центрах строительный бизнес в несколько раз меньший по масштабу (а в Бодайбо его фактически нет), и неквалифицированные рабочие востребованы мало.

Таким образом, миграция в демографическом развитии Иркутской области в 1990-2000-е годы играла противоречивую роль, но в целом формировала, скорее, негативные тренды. Являясь следствием, с одной стороны, долговременных демографических тенденций, а с другой – социально-экономических кризисов, эти тенденции начали сами во многом определять тренды развития региона. Миграционный отток молодежи и трудоспособных возрастов обусловил рост смертности и обширный комплекс социально-медицинских проблем. Снижение миграционной подвижности привело к острейшей проблеме хронической безработицы в сельских районах области при одновременной нехватке рабочих рук в крупных центрах региона. Все это сформировало в области комплекс сложнейших социально-экономических проблем, кардинального решения которых в постсоветский период найдено не было.

Власть, как федеральная, так и региональная, интереса к демографическим проблемам области долгое время не проявляла. Вплоть до середины 2000-х годов не было выдвинуто фактически ни одной инициативы в сфере миграционных процессов и демографического развития. Исключение составили лишь шаги, направленные на ограничение и жесткое регулирование

трансграничной миграции в Иркутскую область, тогда как внутриобластные процессы оставались вне поля зрения властных структур.²⁰⁰ Повышение рождаемости и снижение смертности населения не только не ставились как задачи властных структур, но и, похоже, не осознавались в качестве проблемы.

Лишь с 2006 года вопрос стимулирования миграционного притока в Россию и ее сибирские регионы оказался в фокусе инициатив федеральной, а вслед за ней – и региональной власти. Включение Иркутской области в число пилотных территорий по реализации «Государственной программы содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» подтолкнуло региональные органы власти в сотрудничестве с УФМС по Иркутской области и рядом муниципалитетов к разработке и реализации соответствующей областной программы. Однако результаты ее выполнения в течение 2007-2011 гг. сколько-нибудь заметного влияния на миграционную ситуацию в Иркутской области не оказали.²⁰¹ Принятая в 2008 г. областная целевая программа демографического развития Иркутской области на 2009-2015 гг.²⁰² впервые ставила перед правительством области очевидные и вполне реалистичные задачи в сфере демографических процессов. Однако нулевое финансирование большинства мероприятий программы, заложенное уже в ее бюджете²⁰³, обусловили ее низкую эффективность.

Таким образом, на протяжении постсоветского периода демографическое развитие Иркутской области происходило без

²⁰⁰ Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н. Региональная миграционная политика в Иркутской области // Миграционная политика в регионах Российской Федерации: законодательство и правоприменительная практика. – Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2009. С. 37-72; Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // Политика. – 2011 – №4 (63) – С. 35-60

²⁰¹ Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Монография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. С. 106-107

²⁰² Постановление Законодательного Собрания Иркутской области от 22 ноября 2008 года N 3/44-ЗС

²⁰³ Иркутская область. Официальный портал URL: <http://www.irkobl.ru/sites/economy/targeted/departmental/5.doc> (Дата последнего посещения 15.01.2012)

участия областной власти. Успехи регионального здравоохранения в отдельных сферах без комплексного подхода к проблеме и достаточного ресурсного обеспечения качественно изменить характер развития народонаселения области не могли. Высокие темпы сокращения численности населения, преобладание долговременных негативных тенденций в изменении демографической ситуации стали в этот период постоянным контекстом социально-экономического развития Иркутской области.

Китайские мигранты на Востоке России: роль посредничества в процессах экономической и культурной адаптации

Виктор Дятлов²⁰⁴

Сейчас уже не нужно обсуждать проблему необходимости присутствия китайских мигрантов в России. Они стали неотъемлемой интегральной частью не только российской экономики, но и всей системы отношений в стране. Российской экономике необходимы гастарбайтеры, причем не только строители или тепличные рабочие, но и та огромная масса людей, которая обслуживает разветвленную и эффективную систему продвижения китайской промышленной продукции. В обозримом будущем будет расти число продавцов и производителей услуг.

Выявилось, что вместе с этим экономическим ресурсом пришло огромное количество новых проблем, конфликтов и противоречий. Поэтому стратегический характер приобрела проблема интеграции мигрантов, интеграции как экономической, так и социальной. С другой стороны – и принимающее общество вынуждено приспосабливаться к новой ситуации, выработать соответствующие стратегии и практики.

Все это стало мощным стимулом к формированию адаптационного механизма. Его основные параметры определены вполне платежеспособным спросом на удовлетворение базовых потребностей мигрантов: безопасности, информации, связей. В свою очередь, структура этих потребностей зависит от миграционных стратегий, экономической специализации, правового режима и отношения принимающего общества. И нет никакой неожиданности в том, что решающую роль в формировании и функционировании адаптационного механизма стал играть институт посредничества и фигура посредника.

Огромную роль в формировании характера миграционной ситуации играет ориентация на временное, длительное или по-

²⁰⁴ Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета.

стоянное оседание мигрантов, характер их экономической деятельности. Чем временнее пребывание и чем ярче выражена соответствующая миграционная стратегия, тем меньше потребность в адаптации и спрос на соответствующие ресурсы. Официальная статистика стабильно фиксирует мощное преобладание временной (маятниковой, сезонной и т.д.) миграции. Крайне малы цифры мигрантов, получивших разрешение на временное проживание, виды на жительство, гражданство. Ничтожно количество смешанных браков. Наблюдается крайне вялая (мягко говоря) динамика формирования поселенческих ядер (чайнатаунов в перспективе). Концентрация происходит не по месту жительства, а по месту экономической деятельности. Хотя, конечно, есть и неизбежные тенденции к совмещению. Мигранты стремятся снимать жилье, арендовать гостиницы и общежития поближе к рынкам, например. Но сама логика постсоветского городского пространства этому препятствует.

Понятно, что адаптационные потребности сезонного строителя – гастарбайтера будут иными, чем у бизнесмена, ориентированного на долговременную предпринимательскую деятельность в России. Строителю-сезоннику не нужен русский язык, у него нет и возможностей для его изучения. Живя и работая прямо на стройке, он сводит сферу контактов с принимающим обществом к минимуму. Поэтому у него нет необходимости во включении в его социальные сети. А задачу контактов с властями, нанимателями, поиск работы и определение условий ее оплаты, обеспечение быта, охраны труда – все это берут на себя специалисты посредники.

Прибывший даже на сравнительно короткий срок предприниматель (мелкий или сравнительно крупный) уже не может существовать в подобной изоляции. Необходимость в постоянных контактах с клиентами, представителями властей, местными продавцами необходимых услуг заставляют изучать русский язык, целенаправленно формировать сеть социальных связей, включаться в систему взаимных услуг и обязательств. Он испытывает острую потребность в натурализации (хотя бы в виде разрешения на временное пребывание, вида на жительство, права на трудовую деятельность). Особенно выросла роль послед-

него обстоятельства после известного запрета иностранцам на торговую деятельность на открытых рынках.

Все это становится мощным экономическим ресурсом. Однако самостоятельное овладение им требует больших усилий, времени, средств. И в ситуации, когда предприниматель не ориентирован на длительный бизнес, рациональным решением может стать покупка такого ресурса у посредника. Этот человек или институция обеспечат услуги переводчика, предоставят необходимую деловую информацию, контакты с клиентами, партнерами и необходимыми людьми во власти, охранные услуги. Запрет на торговлю на рынках может быть легко обойден через покупку услуг подставных лиц, что тоже является специфической формой посредничества.

И, наконец, если мигрант нацелен на постоянное или длительное пребывание, он уже не может рассматривать принимающее общество только как место бизнеса. Он нуждается во включении в местную жизнь, местную культуру, местные социальные связи и отношения, на порядок возрастает уровень его зависимости от отношения к нему соседей, деловых партнеров, учителей и родителей одноклассников их детей и так далее. И здесь на первых порах особенно не обойтись без услуг посредников.

Глубокая интеграция в принимающее общество может стать для него не просто личным ресурсом, а вполне востребованным товаром для продажи. Посредническим товаром.

Принимающему обществу отчасти выгодно существование слоя посредников из числа самих мигрантов, берущих на себя значительную часть трудной работы по рациональному использованию труда мигрантов и обеспечение стабильности. Хотя платой за передачу им важнейших функций управления, власти и контроля может стать частичная потеря контроля над ситуацией, молчаливая санкция на формирование замкнутых общинных структур, слабо проницаемых для посторонних. Этот риск уже осознается частью исследователей, экспертов и чиновников.

Все это должно стимулировать интерес к изучению тенденций развития посредничества, к тому, чтобы хотя бы частично пытаться воздействовать на его структуру и параметры. Тупики-

вой здесь представляется стратегия на искоренение самого явления, на выдавливание посредников из миграционной сферы. Тем более – на игнорирование проблемы.

Изучение посредничества в миграционной сфере стоит начать с попытки типологии. Основания для типологии могут быть разными – в зависимости от поставленных исследователем задач. Принципиально важным представляется критерий рыночных или нерыночных условий предоставления посреднических услуг. Иными словами, чем платит потребитель за жизненно необходимый ему продукт – только деньгами или еще и клиентельной зависимостью.

Пока преобладает второй тип посредничества, который можно условно назвать и диаспоральным. Мигранты в новой для себя среде консолидируются, создают общинные структуры с жестким внутренним контролем, механизмами взаимопомощи и санкций. Они могут строиться на земляческой, клановой, даже деловой основе, но в их основе лежат принципы групповой лояльности и личной зависимости. В рамках таких отношений адаптационные ресурсы могут предоставляться и на безденежной основе (хотя чаще всего деньги платятся), но обязательна плата лояльностью и клиентельной зависимостью. Это позволяет формальным и (чаще) неформальным лидерам контролировать мощный мобилизационный ресурс, эффективно используемый как в чисто деловых целях, так и для достижения иных целей.

Такая система может функционировать и в рамках формально современных, рыночных институций. Наиболее распространенный пример – система рекрутирования временных строительных рабочих в Китае. Посредническая фирма часто не просто нанимает рабочих по заказу российской организации, но и заключает от их имени контракты, получает их зарплату и расплачивается с ними на родине по собственному усмотрению, осуществляет контроль на строительных площадках, разрешая неизбежные конфликты и т.д.

Следующий важный критерий – кто (или что) является посредником: человек/институт принимающего общества или общества отпускающего. Естественно, что диаспоральный тип

посредничества монополизирован как самими мигрантами, так и институциями их метрополии. Это же относится и к значительной части сферы предоставления услуг на чисто коммерческой основе.

Однако сейчас во многих российских городах создаются посреднические фирмы, действующие на относительно рыночных условиях. Они продают отдельные услуги (информацию, помощь в оформлении документов, регистрации и т.д.) – и на этом взаимные обязательства прекращаются. Однако пока их основные клиенты – мигранты из стран с не визовым режимом, прежде всего, из Центральной Азии. Иногда в этом секторе наблюдаются и довольно экзотические формы, когда посреднические услуги продаются фирмами, действующими при профсоюзах рабочих-мигрантов. Есть попытки (иногда успешные, иногда не очень) создание государственных структур, оказывающих посреднические услуги. Важно подчеркнуть, что в этой сфере полностью преобладают ресурсы принимающего общества.

Отдельный аспект проблемы – китайские рынки, ставшие важной частью экономики и городского ландшафта большинства городов востока России. Это не только торговые площадки, важная часть механизма снабжения, место концентрации огромных материальных и финансовых ресурсов (ситуация на Черкизовском рынке продемонстрировала совершенно фантастические масштабы этого), но и эффективный механизм продвижения китайских потребительских товаров на российский рынок. В этом смысле – механизм экономической экспансии. Не менее важная функция – это место концентрации мигрантов, их консолидации на новом месте. Фактически рынки становятся социальным организмом с неформальными, но жесткими правилами, эффективной системой власти и управления, системой санкций по отношению к нарушителям. Они предоставляют мигрантам набор разнообразнейших услуг – от общепита и индустрии развлечений до информации, консалтинга, защиты. Они предоставляют мигранту возможность включения в социальные сети. То есть они становятся мощными и эффективным механизмом адаптации. Он и притягивают к себе и тех мигрантов, которые непосредственно на них не заняты. То, что экономиче-

ская роль открытых рынков образца 1990-х годов уменьшается, центр экономической деятельности китайских мигрантов перетекает в иные форматы, этой роли «этнических рынков» пока не уменьшает.

Наряду с общежитиями и гостиницами для мигрантов они становятся теми «сгустками», «кластерами», на базе которых могут сформироваться будущие «чайнатауны», хотя такой вариант развития и не предрешен. Пока для этого не так уж и много предпосылок. Но если этот феномен появится в России, он также может стать механизмом адаптации представителей новых миграционных волн.

И последнее – отношение властей к проблеме посредничества и к тем *акторам*, которые эту функцию осуществляют. Существование проблемы и ее важность с трудом, медленно, но осознается. Сложившиеся посреднические механизмы вызывают критическое, а то и враждебное отношение. Неформальные, общинные механизмы с одной стороны удобны – они избавляют от необходимости что-то делать. Но они пугают возможными социальными последствиями и не подконтрольностью. Открытые рынки выдавливаются на окраину экономической жизни. Посреднические фирмы, работающие на рыночных принципах, также встречают настороженное отношение, их прямо или косвенно обвиняют в коррумпировании соответствующих государственных структур, в присвоении себе их функций. Государственные институции требуют больших усилий и средств – а их эффективность пока не доказана.

В любом случае, задача создания и развития эффективной системы адаптации, в идеале – управления такой системой – встала на повестку дня в качестве важнейшей проблемы развития миграционной ситуации. Скорее всего, будут функционировать все отмеченные типы и институции. Однако их соотношение может наложить огромный отпечаток на динамику миграционного процесса и его воздействия на принимающее общество.

Восточный поворот России: шансы и риски модернизации в дальневосточном регионе

Леонид Бляхер²⁰⁵

Рассуждая о политической структуре, исследователи, как правило, подразумевают какой-то ее уровень: глобальный, региональный, локальный. Относительная автономность этих уровней²⁰⁶, чаще всего, во всяком случае, в российских работах не рефлексировается. Такой подход во многом оправдан. Он оправдан до тех пор, пока уровни эти (не акторы, в них существующие, а сами уровни) не вступают в противоречие, в конфликт. В этот момент различие в типах организации, в группировке интересов и их направленности, в самом типе политики актуализируются, обнажая и специфику самих уровней. Пожалуй, наиболее ярким примером такой актуализации и стали события последних лет в одном из самых отдаленных субъектов Российской Федерации – в Приморье и его центре, Владивостоке.

Совсем недавно во Владивостоке прошел саммит АТЭС 2012. Несмотря на то, что событие воспринимается уже в прошедшем времени, в СМИ продолжают звучать вопросы²⁰⁷: а зачем это нужно? Для чего были сделаны миллиардные вливания? Для чего построен гигантские мосты и десятки зданий на острове Русский, расширен аэропорт, изменена районная планировка целого (и крупнейшего в регионе) города? Все чаще слышатся голоса: это пиар! Российская власть хочет показать всему миру, очередную «потемкинскую деревню»! Так ли это? Думаю, что не так, или в очень большой степени не так.

Я далек от мысли идеализировать масштабные строительные мероприятия, проводившиеся в регионе в последние годы. Понятно, что и «откатов с распилами» здесь хватало, да и обычная хозяйственность, наверное, имела место. Интереснее другое. Зачем

²⁰⁵ Бляхер Леонид Ефимович, доктор философских наук, профессор Тихоокеанского государственного университета

²⁰⁶ Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006 (второе издание: М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2007).

²⁰⁷ Камышев В. Саммит: аврал в Приморье// код доступа: [http:// www.svobodanews.ru/content/article/24685797.html](http://www.svobodanews.ru/content/article/24685797.html);

это было? Что это может дать? Для ответа на этот вопрос, прежде всего, разведем в стороны два явления: проведение саммита во Владивостоке (и не только во Владивостоке) и инвестиции в крупнейший порт региона²⁰⁸. Таким образом, вопроса оказывается два. Зачем России и региону нужен саммит АТЭС? Зачем нужны гигантские инвестиции в город и регион? Конечно, эти вопросы тесно связаны, иначе мы не стали бы задавать их в рамках одной статьи. Но, тем не менее, это – разные вопросы.

Итак, зачем нужен саммит? Попробуем ответить. Россия евразийская держава. Ее меньшая по площади, но большая по заселенности, освоенности часть расположена в Европе. Там же находятся крупнейшие города страны, ее «глобальные города²⁰⁹»: Москва и, отчасти, Санкт-Петербург. Да и большая часть городов-миллионников, приближающаяся по уровню развития и функциональной нагрузке к статусу «глобальных центров» расположено до Уральского хребта. За этими пределами влияние отечественных «глобальных городов» слабеет, а «ориентация на Европу» перестает быть абсолютной. Так, уже в Новосибирске коммуникация в западном направлении составляет менее половины товарных и людских потоков, а «южное» и «восточное» направления составляют ему реальную конкуренцию²¹⁰. В районе Красноярска это влияние сходит на нет.

Тем не менее, исторически именно Европа притягивала элиту России, служила ориентиром ее политики и экономики. Ведь именно в европейской части страны сосредоточено основное население, производственные мощности и транспортные связи. Однако Европа совсем не спешила заключать наше отечество в братские объятия. Идущая исподволь европейская интеграция последних десятилетий осуществлялась, в основном, помимо России. В Европу вошли и заняли свое место отпавшие куски «Советской империи», а вот для ее наследницы место отыскалось весьма незавидное. Не вполне то, какое отводят париям

²⁰⁸ Санина И. На пути России в Азию пропасть шириной с Волгу//Код доступа: <http://nr2.ru/moscow/403646.html>

²⁰⁹ Сассен С. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО «Аванглион», 2007, С. 9-27.

²¹⁰ Тайченачева Т. Как создать «мировой город» (города глобального значения в Сибири)// Эксперт, код доступа: <http://expert.ru/siberia/2012/07/kak-sozdat-mirovoj-gorod/>

преступного мира в камере (это место прочно заняли Албания с Молдовой), но и не во главе стола. Это – место поставщика сырья, или, как пишут коллеги-экономисты, продукции с низкой добавленной стоимостью²¹¹.

Рынок в Европе достаточно жестко организован и оформлен институционально. Есть жесткое распределение ролей, есть четкие правила. Россия здесь заняла свою нишу, и иной она в ближайшем будущем не станет. Однако до тех пор, пока гигантские доходы от экспорта нефти и газа оставались свершившимся фактом, призывы к диверсификации внешнеэкономических рынков оставались призывами. Наличие унаследованной еще с советских времен системы трубопроводов в Европу, относительно развитой транспортной системы и мощных финансовых структур, расположенных в европейской части страны делали развитие иных направлений крайне затратных и потому нежелательным. Слабеющее влияние «глобальных центров» на азиатскую часть страны приводило и к предельно недостаточному развитию коммуникации. За постсоветские десятилетия некоторое развитие получила транспортная система, связывающая Восточносибирские и Дальневосточные территории с сопредельными странами: авиасообщение, увеличение железнодорожных маршрутов в этих направлениях, появление автомобильных «переходов». Однако уровень развития связей в этом направлении, не шел ни в какое сравнение с уровнем развития коммуникации с Европой²¹². Торговые связи по большей части оставались приграничными. Лишь на рубеже веков они выходят на уровень АТР, но и здесь остаются достаточно слабыми. Должны были появиться крайне серьезные резоны для переориентации хозяйства страны на восток.

Эти резоны и возникают в середине «нулевых» годов. Постепенно сворачиваются и традиционные ближневосточные и североафриканские интересы России. Более того, в перспективе, освоение сланцевого газа, как и жесткая позиция европейских

²¹¹ Минакир П.А. Интеграционные проблемы России в АТР// *Пространственная экономика*. 2012. № 2. С. 131 – 133.

²¹² Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока// Код доступа: <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=159>

потребителей, может серьезно потеснить даже российский сырьевой бизнес²¹³.

По логике вещей, необходимо постепенно отказываться от «нефтегазовой иглы», осваивать новые сферы деятельности, пока сама «игла» еще кормит. Но на «западном» направлении, сколько не тянуло бы Россию к Европе и в Европу это сделать труднее, чем где-либо. Рынок здесь отстроен и поделен. «Новичку» на нем делать особенно нечего. «Плата за вход» слишком высока. Она достаточно высока, чтобы защитить господствующие корпорации от любого внешнего вмешательства.

Здесь и всплывают азиатские рынки и «восточное направление». Ведь территориально Россия на $\frac{3}{4}$ лежит в Азии. В Азии же находятся основные источники сырьевых ресурсов. Важно и то, что азиатские рынки, несмотря на всю их значимость, гораздо менее устоялись, гораздо менее устоялись и роли стран и групп интересов на рынке. Именно там, на рынках Дальней Азии, рынках АТР Россия и может обрести роль игрока. Не случайно перспективы выхода на китайский рынок обсуждались в России еще в период рубежа веков. Но для этого мало одного желания или, как сегодня принято говорить, политической воли. Здесь необходимы транспортные пути, порты, торговые и логистические центры. Важна и специфика деловой коммуникации Северо-Восточной Азии. В отличие от европейских рынков и европейской экономики, экономика стран АТР, особенно азиатских стран, организована по принципу «элитных клубов».

Конечно, в Европе личные знакомства, «клубность» тоже значат немало²¹⁴. Но, все же, они дополнение к основной, институциональной системе, основанной на общности истории, политических форм и т.д. В Азии же они – основа транснациональной экономики. В регионе представлены все мыслимые политические режимы – от формализованной демократии до традиционной монархии, все идеологии – от либерализма до коммунизма. Для того, чтобы нивелировать эти различия, а, следовательно, и снизить транзакционные издержки, с этим связанные, использу-

²¹³ Башкатова А. «Газпром» занимает кадровую оборону//Независимая газета/ Код доступа: http://www.ng.ru/economics/2012-09-13/4_gazprom.html

²¹⁴ Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // Полис. 2007, № 2.

ются «неформальные» (личные, дружеские) контакты. Человек выступает здесь, естественно, как представитель корпорации, но и, прежде всего, как частное лицо. Возникают устойчивые бизнес-сети людей, лично знающих друг друга, доверяющих друг другу, делающих общий бизнес в разных странах. Это доверие и позволяет преодолеть различие в идеологии и в политических режимах между, скажем, коммунистическим Китаем и монархическим Таиландом. Оно выступает оптимальной «страховкой» для бизнеса, существенно лучшей, чем достаточно спорное и неопределенное «международное право». Само же доверие и базируется на встречах, в том числе в формате АТЭС.

Войти в эти клубы, стать «своими» и пытаются сегодня представители ведущих российских фирм, государственных монополий, крупнейших банков. Конечно, это еще не «членство». Но важный шаг на этом пути. Нужно много встреч в разных форматах, в разном составе, для того, чтобы русский бизнес стал своим в Азии. Именно поэтому затраты на форум – это не издержки, точнее не только издержки, но и инвестиции в будущее, в новые рынки и новые возможности для страны и региона.

Не секрет, что оставленный, практически, на произвол судьбы в 90-е годы, регион самостоятельно, на свой страх и риск осуществлял выход в АТР. За десятилетия сложились устойчивые личные и деловые контакты, знакомства. Здесь мы подходим к той точке, в которой первый вопрос плавно перетекает во второй. Далеко не все инвестиции во Владивосток и в регион в целом являются инвестициями в саммит. Да, Россия стремится сегодня «прорубить окно в Азию», причем, похоже, впервые за всю ее историю это пытаются сделать всерьез. Причем, делается это не на уровне стихийного движения, как в XVII – XVIII веках, не на уровне военно-политической экспансии и философских построений, как в конце XIX – начале XX века²¹⁵, а на уровне долговременной и целенаправленной политики. Но само мировое пространство сегодня в минимальной степени «территория», «площадь».

²¹⁵ Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни// Полис, 1997, № 1.

Взаимодействуют сегодня не столько страны, сколько мегаполисы, крупнейшие центры постиндустриальной экономики, транспортные узлы, центры проведения мероприятий «больших форматов», финансовые центры. Из близлежащих к нам городов это Осака в Японии, Шанхай и Гонконг в Китае, с оговорками, Пусан в Корее и некоторые другие. Страны, чья экономика имеет возможность использовать ресурсы глобальных городов, получают зримые преимущества в виде инвестиций, в виде технологических и управленческих инноваций и т.д. Но единственный город России, который входит в список глобальных городов мира – это Москва. Даже Санкт-Петербург входит в этот список с большим количеством оговорок. Именно Москва транспортно связана с большинством мировых центров, выступает местом сосредоточения финансовых и товарных потоков, наиболее квалифицированных специалистов, источником инноваций для остальной России.

Однако при всем своем глобализме Москва – европейский город. Его влияние (как глобального города, а не политической столицы) определяет экономический и социальный облик европейской части страны и Урала. В остальной части страны оно может быть «внедрено» политическими методами. Однако при этом они оказываются чудовищно затратными и, зачастую, бессмысленными, для экономики. Не случайно процветание, понятное дело, относительное, городов Дальнего Востока в 90-е годы было связано с качественным ослаблением «политического фактора» и переориентацией региона на ближайшие глобальные города.

При этом регион все больше, все сильнее втягивался в экономику «чужих» глобальных городов и стран, отрываясь от России. Позитивный для региона процесс оказывался далеко не позитивным для страны в целом. Да и позитивность в регионе была относительной. Ведь востребованными в глобальных центрах были только природные ресурсы, а отнюдь не технологии. Да, за них платили, но продукцию из этих же материалов мы покупали потом намного дороже. Здесь и возникает совершенно уникальная задача – построить в регионе не крепость (с этого и начиналось), не завод (это уже было), а глобальный город. Гео-

графически место уникальное. Единственный российский порт, имеющий выход в открытый океан, причем, с проходом по российским территориальным водам, один из немногих незамерзающих портов. При этом – последняя станция трансконтинентальной магистрали, обладающая и собственным аэропортом. Но проблем здесь было не меньше. Военное прошлое (город-крепость) наложило свой отпечаток. Город неудобно спланирован. Транспортные проблемы Владивостока стали в регионе притчей во языцех. Аэропорт маленький и неудобный. Даже в регионе он уступает аэропорту Хабаровска, существенно отставая по пропускной способности от хабов городов-миллионников европейской части страны. Вузы, пользующиеся малым авторитетом в мире, острый недостаток конференц-залов и гостиниц. Да и относительно региона город расположен «в углу», не втягивает в себя региональное пространство, оставляет множество «закутков». Соответственно, необходимы дороги, дополнительные городские центры на территории, резкое возрастание плотности коммуникаций. На все это и были направлены государственные и, отчасти, частные инвестиции.

Однако здесь идея построения глобального города на восточной окраине страны, идея реальной, а не номинальной интеграции в глобальный мир столкнулась с интересами местного сообщества, в минимальной степени ориентированного на участие в глобальном взаимодействии.

В целом, смысл всех проектов, реализуемых во Владивостоке, сводится к тому, чтобы жить в городе, приезжать в город, планировать проезд и перевоз через Владивосток было удобнее и дешевле, чем помимо него. Сегодня это выглядит перспективой достаточно отдаленного будущего. Сохраняется тенденция к отъезду из Владивостока наиболее активной части населения. Бурная экономическая активность 90-х годов и лица, ее реализующие, вытеснены сегодня из экономического поля или нашли себе более простой и надежный заработок в виде государственных и муниципальных заказов. Но, если предшествующая форма экономической активности, обретшая соответствующие ей политические формы, допускала до распределения благ достаточно широкий круг лиц (популистская рента), то новая фор-

ма деятельности уже не связана с необходимостью заботиться о популярности среди основных масс населения. Элита региона и его население утрачивают жесткую и необходимую связь. Соответственно, уровень жизни населения в городе и регионе, в целом, существенно снижается. Об этом говорят респонденты в интервью. Об этом же говорит и сам рост миграции, что для региона и является главным показателем отношения населения к протекающим процессам.

Но и в отношении к федеральному проекту местные элиты оказываются в достаточно специфическом положении. Ведь прежний тип деятельности, несмотря на его «серый» характер, а может и благодаря ему, был доходным. Другой вопрос, что часть этого дохода перераспределялась в пользу населения. Для того, чтобы сделать государственный или муниципальный контракт столь же или более доходным, необходимо перераспределить часть средств из масштабных федеральных проектов в сферу тех самых привычных контрактов. Такое перераспределение удорожает не только сами федеральные проекты, но и жизнь в городе, «цену» ведения бизнеса.

Владивосток остается одним из самых дорогих городов страны. Это тоже достаточно негативно сказывается на перспективах развития города. Ведь глобальный город образуется там, где осуществлять экономическую деятельность, да и просто находиться проще и комфортнее. Отчасти такая дороговизна²¹⁶ имеет объективную природу. Однако не менее сильно она связана со специфической властной дистрибуцией в городе и ее влиянием на общий социально-экономический климат в Приморье.

Дело в том, что традиционно столица Приморья, как и сам край, представляли собой полицентрическую систему. Е.И. Наздратенко ему приходилось делить власть с В.И. Черепковым – мэром Владивостока. Да и сама функция власти в крае была не столько в управлении, сколько в роли «В советский годы в сложную систему взаимодействия включались военное и гражданское руководство порта, штаб ТОФ, партийное руководство. При всем том, что ведущей силой, без сомнения, был ТОФ,

²¹⁶ Росриэлт. Недвижимость. Электронный ресурс. Код доступа: http://www.rosrealt.ru/statya_nedvizhimost/107/

остальные «группы влияния» сбрасывать со счетов тоже было бы не совсем верно. В период пребывания в должности губернатора надзирающего» за различными экономическими кланами, господствующими в хозяйственной (и социальной) жизни города и края.

Даже с приходом на должность губернатора С. Дарькина, лидера одного из кланов, ситуация не намного упростилась. Ожидаемый конфликт с мэром, с представителями силовых структур и т.д. «восстановил» привычную ситуацию. Причина проста. Именно Владивосток дает больше трети формальных и до половины неформальных доходов края. В условиях реализации ФЦП роль Владивостока еще более возрастает. В результате, все значимые властные агенты распоряжаются или претендуют на одно и то же²¹⁷. Сегодня в социальной структуре власти представлены три группы: группа нового губернатора В.В. Миклушевского, группа С.И. Дарькина, сохраняющая определенные позиции в экономике края, группа мэра города И.С. Пушкарева. Поскольку уровень контроля бюджетных средств сегодня намного выше, то наполняемость внебюджетных фондов, т.е. реальные возможности руководителя, реализуются путем увеличения нагрузки на малый бизнес, стоимости земли, аренды и пр. Все это и превращается в итоге в рост цен, остановить которые пока не удастся. Не явно пока и устранение существования «издержек» губернаторского уровня, который из «защитника» и необходимого для жителей силового оператора, превращается сегодня в избыточного посредника, некий реликт прошедшей эпохи, все более становящийся бессмысленным. Он существует между населением и федеральным уровнем власти, но существует автономно и от первого, и от второго, все более превращаясь в «вещь в себе».

В результате, и население территории оказывается в не менее сложном и противоречивом положении. Оно лишено «защитника» привычных форм деятельности и социальной организации. При этом, само наличие губернаторского уровня, во многом пре-

²¹⁷ Саначев И.Д. Мэр Владивостока и губернатор Приморья будут воевать всегда. – <http://news.vl.ru/gggg/2007/03/02/vojna>

пятствует и его трансформации под «задачи глобального города».

Как мы отмечали выше, одним из важнейших элементов социальной структуры глобальных городов выступают «глобальные жители». Это не только и не столько люди, ориентированные на проживание в глобальном мире, на перемещение. Хотя этот момент тоже присутствует, поскольку коммуникация с миром здесь (по логике явления) наиболее плотная и беспроблемная. Но это социальные агенты, чья деятельность связана с глобальной коммуникацией. Они операторы этого пространства, а не просто некто, населяющий его. Это системные администраторы глобальных информационных систем, сотрудники Мировых информационных агентств, представители страхового бизнеса, банковской сферы, основанной на современных технологиях. В этот же круг входят работники таможенных, складских и транспортных и т.д. структур, обеспечивающих быстрое и, в идеале, беспроблемное пресечение границы людьми и товарами. В эту же группу входят работники сферы индустрии гостеприимства, многочисленных гостиниц, ресторанов и кафе, конференц-залов и т.д., сферы развлечений.

И, конечно, сюда входят представители научного и хозяйственного истеблишмента, осуществляющего операции, значимые в мировом (региональном) масштабе, создающего наукоемкую продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости. Иначе говоря, глобальные жители – это те люди, которые обеспечивают выполнение городом своих глобальных функций, чья деятельность связана с организацией и обслуживанием потоков людей, финансов, ресурсов, услуг, информации.

В глобальных центрах, как показала С. Сассен, эти люди составляют большую часть населения²¹⁸. Во Владивостоке пока ситуация складывается иная. Значительная часть населения занята в сфере индустриального, да и доиндустриального (добыча морепродуктов) производства, не имеющего отношения ни к транзакционной экономике, ни к экономике знания. Достаточно высок – до 9% населения – процент государственных и муни-

²¹⁸ Sassen S. Transnational economies and national migration policies. Amsterdam : Institute for Migration and Ethnic Studies, University of Amsterdam, 1996.

ципальных служащих, имеющих к рынку и глобальному миру косвенное отношение и ориентированных именно на локальное взаимодействие в рамках данной территории²¹⁹.

Но именно эти люди выступают сегодня лидерами территориального сообщества. На них, в той или иной мере, оно продолжает ориентироваться. Но их интересы отнюдь не совпадают с интересами глобального города, да и с интересами населения, хотя и мыслятся вполне локально. Это не проявление местничества и эгоизма. Это нормальное осознание масштабов своей деятельности и их задач. Имея вполне локальные задачи, лидеры территории (бывший губернатор С. Дарькин, мэр И. Пушкарев и их администрации) осуществляли масштабное перераспределение федерального ресурса в интересах локальной элиты, заменяя тем самым сократившийся, вследствие роста таможенных сборов, ресурс местного товарооборота. Сегодня статистический прирост ВВП Приморья (почти в 2 раза выше общероссийского) обеспечивается именно федеральными инвестициями. Они и перераспределялись. Новый губернатор, ставленник федерального центра, пытается поставить задачи глобального города, в котором заинтересована страна в целом, над интересами местного сообщества. Но успешность этого процесса не очевидна. В городе сформировалась «двуслойность», состоящая из пришедшего извне слоя «глобального города» и муниципального образования. Причем, несмотря на все усилия, именно локальная составляющая преобладает. В условиях естественного возникновения глобального города, скажем, Амстердама или Венеции, носители локального сознания постепенно, очень медленно «вымывались» на периферию и за территорию города, а городская «локальность» становилась общемировой. Скажем, агенты, защищающие интересы города Венеция, жили в Каире, Гоа и т.д.²²⁰. Носители локального сознания, если и оставались в городе, то занимали субдоминантное положение в сообществе.

²¹⁹ По данным Крайстатуправления Приморского края (2010 г.) и данным сайта «Социальный атлас регионов. Электронный ресурс. Код доступа: <http://atlas.socpol.ru/portraits/Prim.shtml#demography>

²²⁰ Бродель Ф. Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. I. – М., 2002. С. 236-239.

В рамках искусственного образования, которым пока является «глобальный Владивосток» противоречия между крайне незначительным слоем «глобальных операторов» и основной массой территориального сообщества, существующего вполне локально, все более обостряются. Для представителей этого сообщества осуществляющееся формирование центра транзакционной (постиндустриальной) экономики и соответствующих социальных трансформаций – это, прежде всего, разрушение привычной индустриальной экономики и привычного образа жизни. Ведь даже те, кто говорил о «пользе саммита», говорили, прежде всего, о решении некоторых бытовых проблем (быстро добраться до спальных районов и аэропорта), а отнюдь не о глобальных перспективах города²²¹.

Иными словами, возникают достаточно сильные и осознающие себя группы интересов, направленные сегодня против тенденции развития Владивостока, как и региона в целом, в рамках глобального рынка. Это и основная масса населения города, и традиционные элитные группы, все более замыкающиеся в групповых интересах. Собственно, группы, ориентированные на глобальное взаимодействие пока только формируются, но ни в коем случае не являются данностью.

²²¹ Openspace. Электронный ресурс. Код доступа: <http://www.openspace.ru/note/376>

**Этномиграционные и этнодемографические процессы
на Востоке России в конце XIX – начале XXI веков**

Под редакцией К.В. Григоричева

Отпечатано в типографии «Оттиск».
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 15.05.2013 г. Формат 60/84/16.
Усл. печ. л. 5,54. Уч.-изд. л. 6,62.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж экз. Заказ № 6.
664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28. Тел.: 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru